

ШАРЛОТТА БРАНДИШ

ЛЕДИ ИЗ
ФРОИНГЕМА

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

16+

**Шарлотта Брандиш
Леди из Фроингема**

Глава первая, в которой Оливия Адамсон откликается на манящий зов благих намерений, а молодая француженка возносит молитвы Пресвятой Деве

Дежурный по железнодорожной станции Гарсдейл уже собирался взмахнуть флажком и подать сигнал машинисту, как вдруг обнаружил, что по перрону, вслед за носильщиком, совершенно неподобающим образом путаясь в пышных юбках и удерживая одной рукой широкополую шляпу, бежит статная пожилая леди. Заметив, что он мешкает, леди издала залихватский крик и припустила ещё быстрее, на ходу подбадривая носильщика, будто он был жокейской лошастью.

Когда она приблизилась, дежурный, ощущая тайную радость всех, кто облечён маленькой властью и имеет возможность её применить, приготовился произнести заученную фразу: «Следуя утверждённому расписанию, поезд отправляется ровно в одиннадцать ноль три, и ни минутой позже» – и взмахнуть флажком, но раскрасневшаяся от быстрого бега леди перебила его на полуслове:

– Ну-ну, я уверена, что из-за нескольких минут задержки ничего страшного не произойдёт. Не будем препираться, – предвосхитила она его возмущение и уверенно вложила ему в руку донельзя измятый билет.

К билету она присовокупила банкноту такого номинала, что дежурный опешил и счёл своим долгом прикрикнуть на носильщика, чтобы тот поторапливался и не вздумал задерживать леди, которая явно спешит по важному делу.

Когда все саквояжи переместились с тележки в купе, она уселась на бархатную скамью и царственно кивнула дежурному, разрешая ему приступить к исполнению служебных обязанностей. К этому

времени из окон соседнего вагона уже начали выглядывать пассажиры, недовольные задержкой.

Поезд, наконец, тронулся и проплыл вдоль перрона, постепенно набирая скорость, а леди Элспет Понглтон откинулась на спинку сиденья и, пользуясь тем, что находится в купе одна, сняла неудобную шляпу и швырнула её на противоположное сиденье. С неприязнью посмотрев на неё, хотя шляпа была ни в чём не виновата, она с наслаждением вытянула ноги и жалобно произнесла в пространство: «Час от часу не легче. Мало мне Джорджа с Седриком, так теперь ещё и вдова Монти!..»

Вынув из сумочки письмо, она пробежалась взглядом по мелким пляшущим строчкам и остановилась на особенно возмутительном, по её мнению, пассаже.

«...не имея на этом свете ни пристанища, ни родной души, я сочла своим долгом посетить родину моего горячо любимого супруга Монтгомери Понглтона, безвременно усопшего и оставившего всех, кто его знал, в неутешном горе. Могу заверить вас, что приложу все старания, чтобы скрасить ваши дни, что отпущены милосердным Господом, и стать вам послушной дочерью...»

– Какой вздор! Ну, положим, у меня вот тоже не имеется ни одной родной души, – громко произнесла она, обращаясь к ненавистной шляпе, – но я же не еду к посторонним людям в поисках пристанища?! А намёки на то, что мои дни сочтены, а? Каково?! Держу пари на сто фунтов, что Монти угораздило жениться на католичке.

Леди Элспет возмущённо фыркнула и принялась обмахиваться сложенными пополам листками письма, лихорадочно соображая, как бы поскорее выставить из поместья не в меру заботливую вдову младшего сына, вообразившую, что мать её погибшего мужа стоит одной ногой в могиле, и не оскорбится ли та, если предложить ей достаточное содержание. Разумеется, не дело, что Монти оставил несчастную женщину без гроша в кармане, но и жить с ней под одной крышей она вовсе не намерена. Тем более теперь, когда,

наконец-то, она сама себе хозяйка и не обязана терпеть ничьи указания. «Нет уж, дудки! Пусть погостит до июньского праздника, а потом я её спроважу», – решила леди Элспет.

Как и всегда, присущее ей добросердечие победило, принеся облегчение, но всё равно осталось чувство, что её принудили к этому решению, пренебрегли её собственной волей. Леди Элспет вздохнула, уголки её губ опустились. Всё ещё привлекательное лицо, чей возраст выдавала только сеточка морщин и увядшая кожа в уголках ярких голубых глаз, исказилось от неудовольствия. Однако жизнь приучила леди Элспет, что грустить – значит тратить время зря, а у каждой тучки есть серебряная подкладка, и, отбросив мысли о предстоящих хлопотах и разногласиях с сыновьями, она улыбнулась.

Всю прошлую неделю она предавалась любимейшим занятиям – игре в бридж и ставкам на ипподроме. Игроком леди Элспет была превосходным, порой позволяя себе такие рискованные ходы, что наблюдавшие за игрой от охватывающего их азарта стискивали зубы и принимались хрустеть пальцами. Имея на руках самые, казалось бы, невыгодные комбинации, она умудрялась выигрывать и делала это с такой обезоруживающей простотой, что досадовать на неё не приходило в голову никому. С извиняющейся улыбкой она деловито записывала суммы, причитающиеся ей, в миниатюрной пухлой книжечке, и ни в малейшей степени не стеснялась напоминать о долге, когда подходил срок уплаты.

Если за карточным столом Элспет Понглтон демонстрировала степенность и невозмутимость, то на ипподроме её знали как одну из самых взбалмошных леди на свете. Там, сидя на жёсткой скамье и наблюдая забег в изящный серебряный бинокль, пожилая дама давала себе волю. Презрев условности, вместе с букмекерами, джентльменами сомнительного рода занятий, «жучками», отирающимися на ипподроме, и нарядными девицами, приехавшими развлечься или подцепить удачливого и щедрого пройдоху, она с наслаждением поедала жареные каштаны,

купленные у разносчика, выкрикивала ободряющие возгласы жокеям или азартно честила отстающую лошадь, на которую сделала солидную ставку.

Везло леди Элспет просто феноменально. Она практически никогда не оставалась внакладе, не только возвращая затраченные на сомнительное времяпровождение средства, но и приобретая солидный выигрыш.

Те, кто не был близко знаком с ней, и помыслить не могли о таком вопиющем нарушении ею приличий, так как пожилая дама видела самую что ни на есть респектабельную. Остальные же, те, кто не понаслышке знал об истинном нраве леди Элспет, прощали ей некоторую эксцентричность, объясняя её низким происхождением. Злопыхателей в аристократических кругах Йоркшира с каждым годом находилось всё меньше, ведь красота, хоть и несколько увядшая со временем, неподдельное жизнелюбие, а также живое, порой весьма своеобразное, чувство юмора и искреннее добросердечие служат пропуском даже в узкий круг британской знати.

Привыкнув скрывать от всех свои увлечения, леди Элспет два или три раза в месяц предпринимала краткие развлекательные поездки, нигде не задерживаясь надолго и проводя время в своём удовольствии в недорогих пансионах, где почти не было шансов встретить кого-нибудь знакомого. Потеряв мужа, а точнее говоря, избавившись от гнёта его тирании, она стала позволять себе блаженствовать целыми неделями, прелестно проводя время в Скарборо или Ричмонде, где у неё были заведены соответствующие знакомства. Она вдруг снова вспомнила того смешного толстяка в измятом котелке, карманы которого облегчила на сто двадцать фунтов, и довольная улыбка тронула её губы.

Поезд мчался по виадуку Рибблхед над изумрудными холмами, день обещал быть чудесным, и только две вещи не давали Элспет Понглтон покоя: визит вдовы младшего сына и безапелляционное письмо старшего, Джорджа, полученное с утренней почтой, в

котором он уведомлял мать о том, что «...далее так продолжаться не может...», и о том, что он «...не позволит ей забывать о приличиях и порочить доброе имя его отца...», и ещё о том, что «...он считает своим долгом незамедлительно принять соответствующие меры».

* * *

Первым, что увидела Оливия Адамсон, высокая девушка с тёмными блестящими волосами, небрежно уложенными в косу, шагнув в купе поезда, следующего по линии Сеттл-Карлайл, была огромная шляпа из соломки ядовито-зелёного цвета с нелепыми виноградными гроздьями на тулье. Шляпа самодовольно устроилась на единственном свободном месте, а напротив неё сидела пожилая рыжеволосая леди, с неподдельным интересом читающая «Панч».

Оливия уже хотела поискать другое купе, но тут дама, бросив журнал на колени, спохватилась:

– О, прошу меня простить. Входите же. Сейчас я уберу её.

Проворно схватив шляпу, она, вопреки ожиданиям, не водрузила её на голову, а попыталась сложить и подсунуть под маленький кожаный несессер, располагающийся рядом с ней на скамье. Через мгновение упрямая шляпа своенравно развернулась, подобно складной подзорной трубе, и скинула лёгкий несессер на пол, заняв всё свободное пространство. Пожилая леди, со вздохом капитулируя, надела её и рассеянно поинтересовалась у попутчицы:

– Не правда ли, она ужасна? Я просто не смогла устоять, настолько она вызывающая.

– В ней есть что-то дионисийское, – туманно выразилась Оливия, подавая забавной леди упавший несессер, и в её серых глазах промелькнули искорки смеха.

– Да, да, орибасии^[1] и быстроногие вакханки – вот первое, что приходит на ум, когда её видишь, – с восторгом согласилась с ней та. – В маленьких деревенских магазинчиках порой попадаются

любопытнейшие экземпляры. Однажды в Кенте я отыскала превосходный кушак с единорогами, вышитыми золотой нитью, но так и не осмелилась его носить.

Дежурный торжественно благословил состав, взмахнув флажком, широко зевнул и одёрнул форменную куртку. Поезд тронулся, и женщины одновременно качнули головами, будто вступая в тайный сговор.

Вспомнив о манерах, Оливия Адамсон посчитала нужным представиться эксцентричной леди, и та, выпрямившись с чопорным достоинством, в ответ произнесла: «Леди Элспет Понглтон, из Фроингема. Вдова лорда Артура Понглтона». Потом дамы перекинулись парой слов, но разговор быстро увял, и около получаса они ехали молча, листая журналы и с удовольствием разглядывая в окно проплывающие мимо зеленеющие холмы и долины.

Откинувшись на спинку скамьи и погрузившись в чтение, Оливия не сразу заметила, что новая знакомая разглядывает её с непосредственным любопытством, граничащим с бесцеремонностью. Особого внимания леди Элспет удостоились синие саржевые брюки девушки, от них она перешла к потёртому твидовому пиджаку цвета жжёного сахара и, наконец, наткнулась на прямой насмешливый взгляд своей визави.

Ничуть не смутившись, пожилая леди разразилась добродушным смехом и всплеснула руками:

– О, мисс Адамсон, вы непременно сочтёте, что у меня ужасные манеры, и будете совершенно правы. И тем не менее я скажу: эта новая мода восхитительна! Хотя сама я на такое, понятное дело, не решусь.

– Отчего же? – вежливо поинтересовалась Оливия. – В Лондоне многие дамы носят брючные костюмы.

– Вы не знаете моего сына Джорджа, – леди Элспет заёрзала на сиденье и заговорщически наклонилась вперёд: – Боюсь, что для

него это станет последней каплей. Он и так считает, что я позволяю себе слишком многое, – таинственно пояснила она.

И без всякого перехода вдруг осведомилась будничным тоном, сощутив голубые глаза, нисколько не потерявшие с возрастом яркости цвета:

– Скажите, мисс Адамсон, а вы, случайно, не ищете место?

В тот же момент в голову ей пришла великолепная идея, и она, жестом отменяя и возражения, и возгласы изумления, которые могли бы последовать дальше, решительно продолжила:

– Позвольте мне договорить, дорогая! Я хочу предложить вам место компаньонки. Но не по-настоящему, не взаправду, понимаете? Лишь на то время, что в Мэдлингтоне будут гостить мои сыновья с жёнами. Мне только сейчас пришло в голову, что это станет отличным решением моей проблемы.

Оливия отложила журнал в сторону. Любопытство её разгоралось всё сильнее, и поездка, от которой она не ждала никаких неожиданностей, на глазах превращалась в небольшое приключение.

– Какой проблемы, леди Элспет? Вы нуждаетесь в услугах компаньонки?

Та, уловив в тоне попутчицы заинтересованность, наклонилась к ней ещё ближе и довольно непоследовательно заявила:

– Да нет же, дорогая, в чём я действительно нуждаюсь, так это в том, чтобы меня оставили в покое. Никакая компаньонка, разумеется, мне не нужна. Смешно даже и думать об этом! У меня есть небольшой штат прислуги, которая сполна удовлетворяет все мои нужды, а во время путешествий я превосходно справляюсь сама. Нет, речь идёт о соглядатае, которого мой старший сын, Джордж, мечтает приставить ко мне, чтобы та шпионила за мной и совала нос во все мои дела.

– Соглядатае? – переспросила Оливия, мысли которой резко изменили направление, а из глубин памяти невольно всплыло воспоминание о болтливой миссис Ромни, постоялице пансиона в

приморском городке, где они с братом провели прошлую весну. Миссис Ромни имела обыкновение каждому, кто не успевал заметить её первым и уклониться от беседы, жаловаться на слезку приставленных к ней констеблей. Само собой, констеблей ни разу никто не видел, зато весь пансион несколько раз за неделю просыпался от истошных воплей миссис Ромни, которой чудилось, что к ней в комнату проникло всё полицейское отделение в полном составе.

Эксцентричные манеры, нелепая шляпа, блеск в глазах и торопливая речь... Да полно, является ли эта женщина с виноградными гроздьями на голове вдовой лорда Артура Понглтона? Пристально вглядываясь в лицо попутчицы, Оливия больше не находила в его чертах врождённой аристократичности, свойственной высшему классу. Нос с широкой плоской переносицей и вздёрнутым кончиком, чересчур выдающаяся челюсть, полноватая, оттопыривающаяся нижняя губа и глубокие ямочки на щеках – всё это выдавало происхождение из низов. И всё равно леди Элспет Понглтон, или женщина, выдающая себя за неё, в юности наверняка была ослепительной красавицей.

– Ох, дорогая, вы явно пришли к выводу, что у меня не все дома, – покачала головой леди Элспет, правильно истолковав отчуждённый вид Оливии, который та мгновенно напустила на себя. – Уверяю вас, я в своём уме и не страдаю никакими душевными хворями. Разве что сплю порой не так крепко, как в молодости, особенно если ужин был поздним.

– Почему же ваш сын стремится навязать вам услуги компаньонки? Ведь должна же быть этому причина, – всё ещё настороженно спросила Оливия.

– Потому что он боится, как бы я не растратила подчистую фамильное состояние, – с невозмутимым выражением лица сообщила леди Элспет. – И надо признать, его опасения не напрасны, – тут она расхохоталась так заразительно, что Оливия не выдержала и улыбнулась.

Хохот пожилой леди был отнюдь не похож на деликатное хихиканье благовоспитанных дам. Нет, она смеялась от души – ямочки на её щеках трепетали, пенсне на серебряной цепочке подскакивало на пышной груди, а виноградные грозди на шляпе пустились вскачь, и одна ягодка из выдувного стекла, не удержавшись среди товаров, разбилась, упав на пол.

– Правда-правда, я страшная транжира! – с какой-то даже гордостью заверила Оливию леди Элспет. – Зачем же ещё нужны деньги, как не за тем, чтобы их тратить? Это и не даёт Джорджу покоя. Представляю, как он мучается, бедняга, прикидывая в уме мои расходы на дом, туалеты и развлечения, особенно теперь, когда цены растут как сумасшедшие. Его заветная мечта, чтобы я нашла себе крошечный скромный коттедж, а Мэдлингтон и управление всеми делами передала ему. Он был бы счастлив, просто невероятно счастлив.

Последние слова леди Элспет произнесла таким тоном, что Оливии стало ясно – подобного развития событий в обозримом будущем Джорджу Понглтону ждать не стоит.

Промокнув уголки глаз платком, пожилая леди продолжила с прежним пылом:

– И вот, Джорджу в его глупую лысеющую голову пришла идея: прислать ко мне, в Мэдлингтон-Касл, компаньонку. Некую миссис Прендергаст, вдову каноника, попавшую в стеснённое положение, которая в прошлом занималась миссионерской деятельностью. Нет, вы только вообразите себе эту женщину, дорогая мисс Адамсон! Однажды, когда я ужинала в Шеффилде у друзей, там была чета миссионеров, и вечер для всех присутствующих был безнадежно испорчен. И если эта Прендергаст хоть в половину похожа на тех людей...

– И чтобы избавиться от неё, вы, леди Элспет, хотите выдать меня за вашу компаньонку?

– О, дорогая, вы так быстро соображаете! Я ничуть в вас не ошиблась. Я вообще очень хорошо разбираюсь в людях, да. Как

только вы вошли, я сказала себе: «Вот кто поможет мне обвести Джорджа вокруг пальца! Такая милая юная леди не допустит, чтобы ни в чём не повинную старушку третировали в её же собственном доме». Так вы согласны? Ну же, соглашайтесь! – и леди Элспет, молитвенно сложив ладони в лайковых перчатках, уставилась на попутчицу взглядом, полным мольбы.

По мнению Оливии, та нисколько не походила на беспомощную старушку, а на того, кто вздумал бы её третировать, ей даже было бы любопытно взглянуть, но к этому моменту она уже подверглась влиянию удивительного обаяния, которое отмечали все, кто заводил знакомство с леди Элспет. Сложно сказать, как ей это удавалось – проговорив с леди Элспет немногим более пяти минут, почти каждый проникался к ней искренним расположением и был готов на многое, лишь бы быть ей полезным. Подобное исключительное свойство менее добросердечный человек непременно использовал бы во вред окружающим, но справедливости ради стоит отметить, что леди Элспет не злоупотребляла своим даром.

Оливия предприняла последнюю попытку выскользнуть из опутавших её чар:

– Но ведь я даже не знаю, что входит в обязанности компаньонки! Мне всегда казалось, что они только и делают, что вычёсывают комнатных собак и читают вслух душещипательные романы о монахинях и подкидышах.

– Именно так, дорогая, именно так! – согласно закивала леди Элспет. – А ещё портят жизнь своим хозяйкам постным выражением лица и жалобными вздохами. Но вам переживать не стоит – собак я не держу, а чтение вслух ненавижу. Вы будете находиться в Мэдлингтоне на правах гостыи, но знать об этом будем только мы с вами. У меня великолепный сад и отличная повариха. И к тому же всё это ненадолго – только до ежегодного праздника, который состоится в середине июня. Сразу же после него мои сыновья покинут поместье, и дальше вы вольны уехать в любой момент. Речь идёт всего лишь о четырёх днях, не больше, и вы можете требовать

любую оплату, которая компенсирует ваши неудобства. Ну, так что же, мисс Адамсон, вы берётесь выручить меня? – леди Элспет смягчила хищную настойчивость своих слов мягкой просительной улыбкой, и у глаз её появились лучики добродушных морщинок.

Сама от себя не ожидая столь быстрой капитуляции, Оливия как зачарованная кивнула, и пожилая дама принялась горячо благодарить её, расписывая прелести пребывания в Мэдлингтоне и сияя довольной улыбкой. От активных движений со шляпы скатилась ещё одна стеклянная виноградинка и с тихим звоном разбилась об пол.

* * *

В это же самое утро в другой поезд, следующий по железнодорожной линии Сеттл-Карлайл, села ещё одна молодая женщина. Её яркая внешность выдавала галльское происхождение, а лёгкий акцент, когда она обращалась к проводнику, не оставлял сомнений в том, что она иностранка.

С нею были двое мальчиков, один чуть постарше другого. Они чинно уселись на скамью напротив матери, причём старший опекающе приобнял брата, положив ему на плечо смуглую ладошку, и оба молча, крайне внимательно, принялись следить за сутолокой железнодорожного вокзала. Почувствовав любящий взгляд матери, старший мальчик улыбнулся ей, обнажив трогательную щербинку между зубами, и у той привычно защемило сердце, так сильно он напомнил ей его отца.

Пользуясь тем, что в купе третьего класса ещё не вошёл никто из остальных пассажиров, женщина быстро придвинулась к своим детям и принялась торопливо говорить по-французски:

– Вы всё запомнили? Робер, Жан? Вы должны называть её леди Элспет Понглтон, а если она будет с вами добра, то бабушкой. И не

должны никому мешать и ни с кем разговаривать, кроме меня. Скорее всего, у вас будет своя комната...

Младший мальчик подался вперёд и восхищённо вытаращил тёмно-вишнёвые, почти чёрные глаза:

– У нас что, будет собственная комната?

– Мэдлингтон-Касл – огромный замок, и там у каждого есть своя комната, – терпеливо объяснила женщина. – Так вот, вы ни в коем случае не должны будете шуметь и безобразничать. Робер, ты проследишь за братом, чтобы он не убежал и не прятался, как он это обычно делает? – обратилась она к старшему.

Тот обстоятельно кивнул, изо всех сил стараясь держать себя хладнокровно, как и подобает старшему брату, но и его глаза горели восторгом от предстоящего им приключения. Пока они переплывали Ла-Манш, он пытался представить себе замок, в котором им всем предстояло теперь жить, и каждый раз в его воображении замок этот становился всё больше и больше, превращаясь в такую громаду, что, казалось, его крыша достаёт до самых небес, и звёзды днём скрываются на чердаке, в спасительной тени, чтобы их прохладные серебряные тела не расплавили солнечные лучи.

– Вы должны выполнить все, что я вам сказала, – жалобно попросила женщина, заглядывая в глаза каждому из сыновей, чтобы убедиться, что они уяснили все её наставления. – И помните: вы никого в Англии не знаете!

Время шло к полудню, но она уже выбилась из сил. Путешествие через Ла-Манш измотало её, качку она всегда переносила плохо. Хорошо хоть дети не доставляли особых хлопот, и, вопреки ожиданиям, не страдали морской болезнью. Сама же она до сих пор ощущала слабость, кожа лица и тела была липкой от выступившего пота, и каштановые вьющиеся волосы прилипли под шляпкой ко лбу.

И она, и дети были голодны, но припасы женщина доставать не спешила. Мальчики были настолько взбудоражены, что есть бы не стали, а её мысли сейчас занимало лишь предстоявшее впереди

испытание. Только бы Святая Дева сжалась над ней и её детьми! Ведь другого шанса обеспечить их будущее у неё не будет.

В купе вошла дама средних лет с плетёной корзиной, из которой выглядывал пыльно-розовый петушиный гребень. Она грузно опустилась на скамью рядом с мальчиками, оттеснив их к самому краю, и для верности ещё подвигала локтями, чтобы освободить для себя побольше места. Дети приникли друг к другу ещё теснее, их субтильные тела привычно старались сжаться в пространстве, чтобы не навлечь гнев взрослых. Вместо того, чтобы сделать бесцеремонной пассажирке замечание, их мать поклялась себе исполнить всё, что в её силах, чтобы мальчики больше никогда не путешествовали третьим классом.

Глава вторая, в которой супруги Джордж и Виктория Понглтон не на шутку раздосадованы содержимым полученной телеграммы, а вот другая семейная пара, Присцилла и Седрик Понглтон, наоборот, весьма воодушевлена предстоящей поездкой в Йоркшир

Подготовка к важному ланчу заняла у достопочтенной Виктории Понглтон всё утреннее время, которое обычно посвящалось ею написанию и отправке писем. Необходимо было убедиться, что в цветочных букетах, заказанных в лучшей лондонской оранжерее, нет и намёка на увядшие листья, серебряные приборы вычищены прислугой как следует, в схему рассадки гостей не закралась досадная ошибка и ещё проверить тысячу разных мелочей, от которых зависит успех приёма. Она хорошо помнила вопиющий случай на ужине у леди Пендерберри, когда одного из пэров, прибывшего с супругой, усадили рядом с любовницей, и все гости за трапезой посылали друг другу многозначительные взгляды. Такие эскапады были вполне в духе леди Пендерберри и, спору нет, чрезвычайно оживляли обстановку, давая повод дамам позлословить за чаем в последующие дни, однако в своём доме она не собиралась допускать подобных ошибок. Репутация радушной хозяйки, на чьих приёмах гости могут насладиться изысканной едой и в непринуждённой обстановке за рюмкой портвейна решить вопросы государственной значимости, была для неё важнее потакания низменным склонностям подруг.

Тем не менее она сумела выкроить минутку, чтобы переодеться в более удобное платье, так как выбранный ею ранее туалет с узким корсажем стеснял движения и причинял муки её крупному, раньше времени расплывшемуся телу.

Отдавая приказания молоденькой неопытной горничной, явно робевшей перед ней и от этого допускавшей промах за промахом, она еле сдерживалась, чтобы не дать криворукой неумехе расчёт сегодня же. Останавливало её только одно: прислуга в доме на Сент-Джеймс-стрит и так не задерживалась надолго, а находить замену всем этим бесчисленным Джейн и Мэри становилось всё сложнее. Глупые девчонки, приезжающие из глубинки в большой город, в нынешние времена совершенно не хотели знать своего места, позволяли себе дерзить и вообще отличались возмутительным поведением.

Когда платье было наконец надето, горничная уже еле скрывала слёзы. Не в силах смотреть на её покрасневшее от обиды кроличье лицо, Виктория Понглтон отпустила её. В дверях неловкая девица чуть не столкнулась с мужем хозяйки и, отпрянув, вылетела из комнаты, как пушечный снаряд.

Достопочтенный Джордж Понглтон, тучный молодой мужчина с намечающейся обширной лысиной, вошёл в покои жены и резким движением прикрыл дверь. В руках он держал смятый листок, на лице его застыло брюзгливое выражение, и Виктория поняла, что хороших новостей ждать не приходится.

– Ну, что ещё? Ты уверен, что это нельзя оставить до вечера? Буквально через полчаса придут первые гости, а ты знаешь, как я не люблю...

– Вот, полюбуйся, – он протянул ей телеграмму и держал листок до тех пор, пока она не взяла его. – Моя мать в своём репертуаре. Иногда мне кажется, что она ведёт себя так нарочно, чтобы позлить меня.

Виктория быстро прочла сумбурную телеграмму.

– И что ты намерен с этим делать? – холодно осведомилась она.

– А что я могу?! – с истеричными нотками в голосе вскричал Джордж.

Шея его покраснела, лицо налилось горячечным румянцем, и в таком виде он являл собой разительный контраст с женой – собранной и спокойной, как и всегда, когда требовалась холодная голова.

– Если ты дашь себе труд успокоиться, то сможешь припомнить, что я предостерегала тебя о подобном развитии событий. С твоей матерью нельзя действовать в открытую. Я говорила тебе, что лучше всего было поставить её перед фактом. Привезти компаньонку в Мэдлингтон, сказать, что та уже отказалась от предыдущего места, и настоять на своём решении. Не стала бы она её выгонять. Зачем ты заранее рассказал ей о Прендергаст? Что, так сложно было удержаться? И вот вечно ты так, никогда не просчитываешь ситуацию наперёд, – прибавила она уничижительно.

Не обращая внимания на упрёки жены, Джордж тяжёлыми шагами мерил её будуар. Внутри у него всё клокотало. Одышка, как если бы он только что взбежал на пригорок, заставляла его обширный живот колыхаться.

– И где, интересно знать, она раздобыла компаньонку за несколько часов? Письмо я отправил с утренней почтой. Она просто не могла так быстро кого-то найти!

– Мало ли ушлых девиц, – пожала плечами Виктория. – К тому же ты знаешь манеру своей матери привечать голодранцев всех мастей. Не удивлюсь, если она и ей отпишет по завещанию кругленькую сумму, и твоя доля наследства станет ещё меньше, – не утерпев, позлорадствовала она.

Эти слова привели Джорджа в сильнейшее уныние. Он уселся на пуф возле туалетного столика и прикрыл глаза рукой, безвольно свесив другую между коленей. Не в силах наблюдать эти живописные бездны отчаяния, в которые с привычной готовностью погружался её муж, Виктория Понглтон произнесла:

– Рано расстраиваться. Мы ещё не видели эту особу. Может статься, что она будет не против прибавки к жалованью. За несколько дней она не успеет проникнуться к твоей матери преданностью, и, вполне вероятно, согласится пару раз в неделю присылать письма с описанием обстановки в Мэдлингтоне. Я поговорю с ней, как только выдастся удобный момент.

Джордж Понглтон взглянул на супругу с надеждой. Виктория всегда ухитрялась отыскать нужные слова и решения, и, хотя она была старше мужа на семь лет и не считалась красавицей даже в лучшую свою пору, он ни разу не пожалел об этом браке. Джордж был достаточно самокритичен, чтобы понимать, если он когда-то и войдёт в палату общин, то во многом это станет возможным благодаря усилиям супруги.

Их брак был бездетным, но неспособность подарить ему наследника ничуть не умаляла в его глазах достоинств жены. В глубине души он был даже рад, что всё внимание супруги (хотя подчас и крайне утомительное) предназначалось именно ему, и, вместо того, чтобы день-деньской пропадать в детской, она всегда рядом и готова поддержать его и словом, и делом.

Супруги вообще отличались редкостным единодушием, в особенности в политических и финансовых сферах, и если Виктория Понглтон в первые годы своего брака и была недовольна слабохарактерностью мужа и отсутствием у него способности принимать стратегически верные решения, то со временем разочарование уступило место поистине материнской опеке. Приучив его во всём полагаться на неё, она черпала в его преданности силу и уверенность в том, что вдвоём они смогут преодолеть все препоны на пути к достойному положению в обществе. Единственное, что омрачало её семейное счастье, так это кое-какие слабости супруга, которые, впрочем, он столь же старательно, как и тщетно, пытался от неё скрывать.

Она подошла к мужу и с нежностью провела ладонью по его влажному лбу. Пригладила тонкие волосы над ушами, смахнула

невидимую соринку с плеча. Однако голос её, когда она заговорила, была строг и невыразителен:

– Ты получишь место в палате общин, Джордж. Рано или поздно, но ты его получишь. Я не позволю тебе отступить. А теперь иди и приведи себя в порядок. Вовсе ни к чему давать людям повод злословить на наш счёт.

Когда муж покинул будуар, Виктория Понглтон ещё раз перечитала полученную им от матери телеграмму. На её лице с резкими крупными чертами – породистом, надменном, но уже начинающем увядать и покрываться сетью морщин – появилась недобрая усмешка. Она медленно смяла тонкий листок, превратив его в серый комочек, и швырнула в камин. Лёгкий бумажный шарик, будучи не в силах перебраться через решётку, упал на коврик, и тогда она подошла к нему, осторожно наклонилась, стараясь не смять корсаж платья, и аккуратно спрятала его в каминных недрах.

* * *

Листовки получились на загляденье. Хрусткие, пачкающие пальцы свежей типографской краской, они стопками лежали на столе, занимая всю его поверхность.

Это зрелище наполняло душу Седрика Понглтона ликованием. Его широко расставленные – такие светлые, что казались незрячими – глаза были восхищённо распахнуты, ладони молитвенно сложены. Он с благоговением застыл у стола, разглядывая результат своих трудов.

Болезненно худой, словно после недавно перенесённого изнурительного недуга, он производил противоречивое впечатление. Сухая красноватая кожа на лице, морщины вокруг потрескавшихся губ и крупные обветренные руки, покрытые сетью вздувшихся вен, говорили о нелёгкой жизни, которую ему приходилось вести в последние годы. Однако костюм на нём был

чистый, хотя и знававший лучшие времена, впалые щёки тщательно выбриты, а редкие светлые волосы аккуратно зачёсаны назад, открывая высокий бледный лоб.

Щёлкнул дверной замок, тонкая фанерная дверь распахнулась, и в тесную, тёмную комнатку пансиона в Саутуарке, с единственным окном, из которого открывался мрачный вид на склады, что на южном берегу Темзы, вошла высокая хрупкая шатенка в дорожном коричневом платье. В руках она держала увесистый саквояж, но Седрик Понглтон не торопился забрать у неё тяжкую ношу.

– Ты только посмотри на них! – с восхищением произнёс он, переводя взгляд от листовок на вошедшую женщину. – Да тут вся тысяча, не иначе!

– Их должно быть тысяча двести, – поправила его шатенка мелодичным голосом. – Ханбойз обещал, что в конце недели будет ещё полторы. Эту партию нам нужно переправить до среды фабричным энтузиастам, а дальше они справятся сами.

Она поставила саквояж на стул, стоявший у кровати, предварительно освободив его от одежды и полотенец, неряшливо брошенных на сиденье. Переведя дух, оглянулась в поисках кувшина с водой, но Седрик не дал ей возможности утолить жажду после утомительного путешествия. Схватив жену за руку, он заставил её подойти к столу и полюбоваться на стопки листовок.

Не сумев скрыть гордость, он сказал:

– Представь себе, Питтс говорит, что у меня настоящий талант. Питтс даже считает, что я мог бы принести большую пользу нашему делу, работая в типографии и создавая оттиски для плакатов и лозунгов. Я почти что согласился, но потом подумал, что сначала должен посоветоваться с тобой.

Присцилла Понглтон за три года своего брака привыкла к тому, что её мужу нелегко даётся сосредоточение на деятельности одного рода. Сейчас, когда ей требовалось его безоговорочное послушание, она несколько не обрадовалась очередному увлечению – на этот

раз типографическими оттисками и печатанием пропагандистских листовок.

Из груди её вырвался лёгкий вздох, который остался незамеченным её мужем, между густых дугообразных бровей обозначилась морщинка. На роль красавицы Присцилла Понглтон претендовать не могла, слишком отличались от классических черты её лица, но каждому, кто видел её хотя бы раз, было нелегко забыть молодую женщину. Выразительные серые глаза с выпуклыми веками, крупный нос с точёной переносицей и высокие, резко очерченные скулы – черты, способные внешность другой женщины сделать тяжеловесной, удивительным образом сочетались с её вытянутым овальным лицом и тяжёлым узлом золотисто-каштановых волос на затылке.

Тем не менее, зная, каким муж бывает упрямым и несговорчивым, если начинать с ним спорить, она с мягкой улыбкой заметила:

– Листовки и правда превосходные. Я даже не предполагала, что они будут настолько хороши. Теперь я понимаю, почему Питтс хочет заполучить тебя. Вот только...

– Вот только что?.. – нахмурился Седрик и отошёл от жены на шаг, подозрительно глядя на неё.

– Да так... Вспомнила, о чём мне как-то обмолвилась миссис Питтс. Я тогда не придавала значения её словам, а вот теперь начинаю понимать, что она имела в виду, – и Присцилла, поджав губы, покачала головой.

– Меня не интересует то, что может сообщить жена Питтса. Я уверен, что в глубине души она бюргерша, пекущаяся только о собственном благополучии. Она равнодушна к нашему делу и порой даже не скрывает этого.

– Ты совершенно прав, дорогой, – закивала Присцилла, – и я бы не прислушалась к её словам, если бы они не касались тебя. Но удивить меня она не сумела, я уже предполагала нечто подобное.

– Так о чём же, чёрт возьми, тебе сказала эта женщина? – настроение Седрика окончательно испортилось, ликование

сменилось насторожённостью.

– О, ну это же так очевидно, – кротко заметила Присцилла. – Питтс завидует тебе, ему не дают покоя твои возможности. Ты сын лорда Артура Понглтона, и если тебе когда-то будет принадлежать Мэдлингтон, или ты унаследуешь семейный капитал, то сможешь внести в общее дело значительно больший вклад, чем когда-либо сможет он сам. Вот он и отвлекает тебя похвалой и признанием твоих заслуг. Питтс понимает, что симпатии простых йоркширцев будут на твоей стороне.

– Ты правда так думаешь? Ты всерьёз уверена, что у меня получится стать во главе «Йоркширского социалистического общества»?

– Ну разумеется, дорогой, – Присцилла Понглтон взяла в руки одну из листовок и восхищённо покачала головой. – Отличная работа, просто отличная. Ты на славу потрудился. Но тебе нужно думать о большем, думать о будущем.

– Мать никогда не оставит семейный капитал мне. Джордж – старший в роду, и он не позволит ей сделать это.

– Твоя мать не питает добрых чувств к своему первенцу, – Присцилла обрнулась к мужу, взгляд её был твёрд. – У тебя есть шансы убедить её изменить завещание. В конце концов, она сама не понаслышке знает, какой нелёгкой бывает жизнь простых людей. Ты должен доказать ей, что встал на путь исправления и больше не подвержен соблазнам. Ты должен заставить её выслушать тебя.

Седрика, как и всегда при упоминании о соблазнах, охватил жгучий стыд. Уловив в муже перемену и зная, что дальше последуют самоуничижительные тирады, Присцилла с нажимом произнесла:

– Ты уже сделал очень многое на этом пути, Седрик, и тебе есть чем гордиться. Но впереди ещё много работы, и тебе нельзя опускать руки. Не ради себя, не ради меня – ты должен добиться своей цели ради благоденствия простых людей, изнурённых работой на фабриках и заводах, на фермах, в домах знати. Ради тех, кто с утра до ночи гнёт спину за гроши. Тех, кого выкидывают из

собственного жилья за неуплату налогов. Тех, чьи дети обречены на то, чтобы повторить судьбу родителей...

...Пока Присцилла Понглтон вселяла в мужа веру в собственные силы, она успела переложить листовки в чемодан, убрать со стола заветренные остатки утренней трапезы и застелить узкую кушетку суконным покрывалом с обтрепавшимися краями. В движениях её не было суетливости, лицо сохраняло строгое выражение, но глаза лучились лаской, будто она увещевала нерешительного ребёнка.

Седрик Понглтон всё это время сидел в кресле у окна, не сводя взгляда с жены, и каждое её слово находило в нём живейший отклик. Его бледные щёки порозовели, плечи распрямились – теперь он чувствовал, что способен на многое.

Глава третья, в которой молодой ветеринар с удовольствием предвкушает выгоды дружеских отношений со знатной леди, а сообразительная горничная находит возможность упрочить своё благосостояние

Оскар Финч, широкоплечий привлекательный мужчина, одетый чуть более элегантно, чем мог позволить себе человек с его доходами, и чем требовали профессиональные нужды, прибыл на ферму Хатчинсона так быстро, как только смог.

Вынув из багажника своего новенького «морриса» чемоданчик с инструментами, он торопливо направился к сараю, откуда доносились хриплые мольбы пополам с проклятиями. Конского ржания слышно не было, но это могло говорить лишь о том, что бедное животное уже успело отмучиться.

На ходу расстёгивая твидовую куртку, он с тоской размышлял о том, что, когда освободится, его обед покроется студенистой плёнкой жира и будет непригоден в пищу. Звонок мистера Хатчинсона застал его в самом начале трапезы, но встревоженный фермер так настаивал на срочном прибытии ветеринара, что пришлось ехать, отложив до лучших времён и обед, и ежемесячный осмотр старого кота миссис Бедекер, страдающего от лишнего веса и слепого на один глаз.

Хатчинсон относился к тем фермерам, кто склонен разводить панику на пустом месте, но сердце Оскара Финча всё равно тревожно сжималось. Пока он поднимался в холмы, с удовольствием прислушиваясь к успокоительному рёву мотора новенького

автомобиля, перед его внутренним взором проходили все прослушанные им лекции, посвящённые болезням лошадей.

Вспомнив замогильный голос Хатчинсона, сказавшего по телефону: «Уж так он плох, так плох, что и смотреть-то на него страшно. Приезжайте, мистер Финч, бог даст, успеете облегчить муки моего несчастного коняги. Негоже бессловесной твари так ужасно мучиться, не по-людски это и не по-божески», – Финч поёжился. Только бы не ринопневмония и не лошадиный грипп! Эти болезни часто начинались незаметно и были чрезвычайно заразными. Достаточно было одной заболевшей лошади, чтобы фермер лишился всего поголовья.

Опыта ветеринарной работы у Финча было ещё не так много, и ему казалось, что все фермеры в Йоркшире это понимают и стараются быть к нему снисходительными. Однако были и те, кто следил за его трудами с затаённым злорадным ожиданием провала. Таких его промахи радовали, они потом долго обсуждали в «Розе и короне» то, как молодой соперник Брауна загубил корову-трёхлетку, поставив ей неверный диагноз, или не помог разродиться кобыле, из-за чего фермер с дальних холмов потерял жеребёнка суффолькской породы. А ведь от того, как эти суровые люди, привыкшие все свои силы отдавать труду на земле и уходу за скотом, примут его и насколько будут ему доверять, зависит его будущее.

В сарае было темно, и после яркого солнца Оскару Финчу пришлось зажмуриться и идти на звук голоса мистера Хатчинсона. Фермер стоял рядом с загоном, в котором находилась больная лошадь, и речитативом читал молитву, держа в заскорузлых ладонях молитвенник и водя пальцем по строчкам.

– А, это вы, мистер Финч, – глухо произнёс он, не оборачиваясь. – Долгонько же пришлось вас ждать.

– Я выехал сразу после вашего звонка, – возразил Оскар и с досадой поморщился, уловив в своём тоне оправдывающиеся нотки. – Дорога к вашей ферме очень нехороша.

– Так дождями размыло, – флегматично ответил Хатчинсон и тем же тоном поинтересовался: – А что, мистер Финч, ваша новая машинка-то не тянет в гору? Тяжело ей холмы даются? На старой, как я погляжу, вы быстрее приезжали.

– Давайте уже осмотрим Мальчика. Помнится, вы сказали, что он страшно мучается.

– А как ему не мучиться? – вяло пожал плечами Хатчинсон. – Лошадь, я вам скажу, это не свинья или тёлка. Животное понимающее.

Финч за свою недолгую практику тоже отметил, что лошади хуже переносят боль и мучаются не в пример сильнее других представителей домашнего скота. Наблюдая, как фермер выводит из стойла коня, он предвидел разного рода осложнения, но Мальчик спокойно пошёл за хозяином, двигаясь хоть и медленной, но вполне здоровой походкой.

Хатчинсон, проходя мимо ветеринара, удручённо помотал головой:

– Вот, сами посмотрите. Еле ногами передвигает. А уж какой резвый коняга был.

– Мистер Хатчинсон, выводы делать ещё рано. Я всё скажу вам после осмотра.

Вытопанная поляна перед сараем была залита ярким солнцем, поэтому Финч сразу же увидел причину беспокойства фермера. Уртикария, или лошадиная крапивница! Не слишком опасное и легко поддающееся излечению заболевание, обычно проходящее без последствий для здоровья лошади. От облегчения у него даже в горле запершило. Сообразив, что этого фермера с его конём ему послало само провидение, он придал лицу обеспокоенное выражение и принялся осматривать лошадь.

Конь стоял спокойно, но Мальчик и прежде отличался ровным нравом, тем не менее Хатчинсон все полчаса, что длился осмотр, поглаживал бороду и вздыхал, время от времени бросая: «Ну, значит, так тому и быть», «Сразу было видно, что коняга нежилец»

или «Хозяйка моя, конечно, расстроится. Уж больно привыкла она к доходяге».

Убедившись, что симптомы, из-за которых возможна ошибка в постановке диагноза, отсутствуют, Оскар Финч выпрямился и с нескрываемым ликованием возразил Хатчинсону на очередное его похоронное замечание:

– Рад сообщить, мистер Хатчинсон, что болезнь Мальчика поддаётся лечению. Вы очень вовремя меня вызвали, хоть излишняя спешка тут и не требовалась.

Впервые фермер прямо взглянул на Оскара Финча. Слова ветеринара, казалось, изумили его сверх всякой меры. В голову стороннего наблюдателя могла даже закрасться мысль, что он не рад этому известию и предпочёл бы, чтобы его конь погиб от неизлечимой и загадочной болезни, которую вовремя не смог распознать молодой бездарь, мнящий себя знатоком без всяких на то оснований.

– Сейчас я сделаю Мальчику инъекцию хлористого кальция, и уже завтра эти шишки на его спине и боках станут меньше либо полностью исчезнут.

– Исчезнут?.. – переспросил фермер, всё ещё не зная, как ему реагировать на изменение заготовленного сценария.

Пока Финч медленно, чтобы избежать возникновения фибрилляции желудочков сердца, вводил препарат животному в вену, Хатчинсон стоял в отдалении и почёсывал бороду. На лице его застыло обиженное выражение.

Когда ветеринар закончил все манипуляции и конь был возвращён в стойло, старик отправился в дом. Он вошёл в кухню и встал рядом с женой, которая перетирала посуду и с осуждением покачивала головой, рассматривая новенький, сверкающий лаком «моррис» молодого Финча.

– Говорит, рано доходягу схоронили, поживёт ещё маленько, – флегматично сообщил ей новости Хатчинсон. – Оно и неплохо, конечно, да только больно уж...

– А Дженни Мозерс вчера так и сказала, – бойко, словно радиоприёмник поймал волну, завела миссис Хатчинсон, – за какие такие заслуги, говорит, леди Элспет молодому Финчу автомобиль преподнесла? И в поместье у себя его принимает как дорогого гостя, и, может, чего ещё, чего мы не знаем, за ним водится. А я говорю ей: да дело-то понятное, что уж тут. Оскар Финч парень видный, обходительный, молодой, да и не дурак. Вот и ездит он в большое поместье, раз его там привечают. Кто ж откажется?

– Старому лорду это бы не понравилось, – качая головой и поджимая нижнюю губу так, что она совершенно скрылась из виду, Хатчинсон прервал болтовню жены и для верности повторил: – Не-е-ет, лорду Понглтону это бы совсем не по нраву было.

Оскар Финч уселся в автомобиль, не подозревая, что его персона в этот момент подвергается пристальному разглядыванию и осуждению. На душе у него было легко. Не всякий день его работа приносит ему не только хлеб насущный, но и удовлетворение, и при этом не требует от него таких подвигов, как туберкулинизация целого коровьего стада или приём ягнят сразу у нескольких десятков овец.

День был тёплым, «моррис» удалялся от фермы ехидного Хатчинсона, ветер с холмов доносил ароматы цветущих трав, а в нагрудном кармане куртки лежало приглашение от леди Элспет провести отпуск в её поместье.

Да, Оскар Финч был чрезвычайно доволен и этим днём, и знакомством с леди Элспет, которое могло привести к самому приятному развитию событий в дальнейшем, и предстоящим визитом в Мэдлингтон, пусть даже этот визит и будет длиться всего неделю. А на досужие сплетни он не обращал никакого внимания.

* * *

Анна Фелпс, крепкая, хоть и не слишком молодая, но весьма симпатичная черноволосая девица со вздёрнутым носом, стояла на раскладной лесенке и держала обеими руками стопку чистого льняного белья. В бельевой было тихо, сумрачно и приятно пахло лавандой, которой перекладывали простыни и наволочки, хранившиеся в деревянном шкафу, достигавшем высокого сводчатого потолка.

Убедившись, что в коридоре не слышно шагов дворецкого Хигнетта, горничная небрежно бросила стопку чистого белья на пол. Раздался приглушённый хлопок, лёгким облачком разлетелась пыль. Анна спустилась, удерживая, чтобы не споткнуться, подол форменного платья, а после, помогая себе сильными руками, подпрыгнула и уселась на комод, в котором хранились скатерти и полотенца для кухни. Комод стоял у стены, под окном, и здесь было самое светлое место во всей бельевой.

Анна достала из кармана грубого нитяного фартука письмо, полученное с утренней почтой, и аккуратно развернула листок. Читала она медленно, с удовольствием погружаясь в подробнейший, хотя и несколько сумбурный рассказ своей старинной подруги о том, как та устроилась в Лондоне работать в чайную и как весело проводит время по вечерам. Мардж писала, что в чайную частенько заходят холостяки, которые щедры на чаевые, и что она свела знакомство с исключительно приятным мужчиной, который уже два раза приглашал её в кинематограф и билеты брал, не скупясь, на лучшие места. Мардж подробно, не жалея чернил и бумаги, делилась своими впечатлениями о жизни в большом шумном городе: о том, как по вечерам нарядные пары прогуливаются по Стрэнду, и какое чудное платье из бирюзового шёлка в тонкую бежевую полоску досталось ей на субботней распродаже совсем по дешёвке, и как она роскошно в нём выглядит с модной завивкой, сделанной на французской машине в парикмахерской Вест-Энда. Ухажёра своего она описывала значительно менее подробно, из чего Анна сделала

вывод, что он или некрасив, или не слишком молод, или и то, и другое.

Письмо подруги нешуточно взволновало горничную. Живо представляя себе довольную Мардж в нарядном платье, напропалую флиртующую со столичными франтами, совсем не похожими на неотёсанных деревенских парней, дующих по вечерам пиво в «Розе и короне», Анна Фелпс преисполнилась жгучей обиды на жизнь. Мардж – пухленькую, бойкую, но нисколько не примечательную внешне, если не учитывать на редкость белых и ровных зубов, – она всегда считала простушкой. И где та теперь? В Лондоне, где жизнь для неглупой девушки с головой на плечах полна соблазнительных шансов. А она, Анна, будучи в сто, нет, в тысячу раз сообразительнее и достойнее Мардж, прозябает в услужении, имея всего лишь одно выходное платье, а из развлечений – поход на воскресную ярмарку с веснушчатым сыном мельника, на которого вечно нападает икота.

От такой вопиющей несправедливости на глазах у Анны Фелпс выступили злые колючие слёзы. Горничная шмыгнула носом, сложила листки и попыталась запихнуть их в конверт, однако в нём было что-то ещё. Она потрясла конвертом и из него выпала фотография. Мардж, в своём стремлении сразить заклятую подругу наповал, сфотографировалась с кавалером у входа в Музей Виктории и Альберта. Анна злорадно отметила про себя, что шляпка с широкими и низкими полями подруге категорически не идёт, так как подчёркивает узкий выдающийся подбородок и коротенькую шею. А вот её кавалер... Судя по всему, фотограф застал его врасплох и вынудил резко отступить в тень, что, однако, не слишком спасло положение. Лицо оказалось смазанным, но узнать мужчину всё же было несложно.

Некоторое время Анна сидела молча, прикрыв глаза, без движения. Губы её подрагивали, будто она вела оживлённый внутренний монолог. Наконец, решение было найдено, и в бельевой раздался тихий торжествующий смех. Вернув письмо и фотографию в конверт, а после надёжно спрятав его в кармане фартука, Анна

вполголоса промурлыкала: «Ну, выходит, кое-кому придётся раскошелиться!» Она спрыгнула с комода и уже хотела нагнуться за стопкой белья и приступить к своим обязанностям, как двери распахнулись, и в бельевую вошёл дворецкий.

Для должности дворецкого Хигнетт, конечно же, был чересчур молод. Быстрым продвижением по службе он был обязан исключительно добросердечию леди Элспет, которая после гибели мужа избавилась от всех старых слуг и наняла новый штат, включавший его самого, горничную Анну, кухарку миссис Вайсли и двух приходящих садовников.

В прошлом второй лакей (и, надо заметить, не самый расторопный и услужливый), Хигнетт в новой должности буквально расцвёл. Невысокого роста, узкоплечий и нескладный, он за считанные месяцы преобразился в представительного и строгого дворецкого, вышагивающего по Мэдлингтону с уморительной степенностью. Поблажек от него ждать не приходилось, и Анна с замиранием сердца проследила за его взглядом, которым он окинул и её смятый фартук, и стопку постельного белья, валявшуюся на пыльном полу.

Брови Хигнетта приподнялись, как если бы он был несказанно потрясён подобным зрелищем.

– Я так понимаю, Анна, что тебя отвлекло что-то чрезвычайно важное? – мягко предположил он, но горничная уже знала его приёмы и не поддавалась на уловку.

– Нет, сэръ, у меня просто из рук всё валится, – и девушка, довольная своим дерзким ответом, подняла с пола стопку белья и демонстративно отряхнула с неё пыль.

Обычно реплики Анны, которая никогда за словом в карман не лезла, вызывали у Хигнетта лишь усмешку, так как жизнь малочисленных слуг в большом поместье не изобиловала развлечениями, а вялотекущее противостояние с горничной хоть как-то скрашивало однообразные дни. Однако в этот раз дворецкий нахмурился, и Анна поняла, что перегнула палку.

– Возьми чистое бельё, а это постираешь вечером, после ужина, – отдал он приказание.

Не решившись спорить с ним, Анна отперла шкаф, подтащила лесенку, достала ещё одну стопку белья, медленно спустилась, приподнимая подол платья на несколько дюймов выше, чем следовало, и всё это под бдительным взглядом невыразительных блёклых глаз Хигнетта.

Убедившись, что его приказание исполнено, тот мягко произнёс:

– И застели постель в голубой спальне как следует, а не как ты это делаешь обычно. И проветри комнату, и сотри пыль, и расставь цветы, и вычисти фарфоровый умывальник и медные подсвечники, и проверь, чтобы жестянка на туалетном столике была наполнена печеньем. Гостья леди Элспет заслуживает достойного приёма.

– Подумаешь! – не сдержалась Анна, чьё настроение объём дополнительной работы вовсе не улучшил. – Она всего лишь вдова мистера Монти, да ещё и француженка ко всему прочему! Было бы для кого так стараться!

– Во-первых, Бернадетта Понглтон сочеталась браком с Монтгомери Понглтоном, младшим сыном лорда Артура Понглтона, и стала частью семьи, – дворецкий растопырил ладонь перед самым лицом горничной, отчего та заморгала, и загнул один палец. – Во-вторых, её постигла тяжёлая утрата, и она впервые приезжает в Англию. В-третьих, гости леди Элспет вправе ожидать, что их постели будут застелены чистым бельём, а не бог его знает сколько валявшимся на пыльном полу по вине нерадивой горничной.

– Что-то о мистере Джордже и мистере Седрике вы так не печётесь, – пошла вразнос Анна, посчитав обвинения в нерадивости несправедливыми. – И цветы им не требуется в спальнях расставлять. А тут, надо же – какую-то швею собираетесь как королеву английскую встречать! Я сама слышала, как леди Элспет говорила, что Монти женился на французской модистке и ничего хорошего из этого брака не выйдет! Вот он и умер там, на чужбине, и это ещё доказать надо, что она ему ничего не подсыпала в еду или в вино!

Все знают, какие француженки коварные. Наверняка у французской полиции к ней вопросы появились, вот она и надумала в Англии скрыться. Миссис Вайсли, если хотите знать, говорит, что со смертью мистера Монти не всё в порядке. А иначе зачем его так быстро похоронили?!

Хигнетт строго уставился на горничную и, поджав губы, покачал головой, демонстрируя, как сильно он огорчён подобным поведением.

– Что-то мне подсказывает, что в библиотеке давно не проводили хорошую уборку, – произнёс он, придирчиво рассматривая ногти на правой руке. – На днях я заметил пыль на верхних стеллажах, что, разумеется, совершенно недопустимо накануне приезда сыновей леди Элспет Понглтон.

Анна приготовилась было к возражениям, но решила промолчать, чего Хигнетт явно не ожидал от неё. Опустив глаза и учтиво кивнув ему, она покинула бельевую, истово надеясь на то, что он не выполнит свою угрозу и не заставит её убирать в библиотеке. Начало июня и так всегда было хлопотным для прислуги, к тому же забот прибавляла подготовка к летнему празднику, и стирать пыль с каждого тяжеленного фолианта, балансируя на шаткой лестнице, было бы сущим наказанием.

Глава четвёртая, в которой Оливия прибывает в Мэдлингтон-Касл, а леди Элспет получает неожиданное известие о прибавлении в семействе

Маленькая йоркширская деревенька с узкими улочками и домами, выстроенными из яичного камня^[2], куда прибыла Оливия Адамсон по поручению тётушки Розмари, показалась ей очаровательной. По сравнению с шумным прокопчённым Лондоном здесь ощущался покой, и жизнь, судя по всему, текла размеренно и неторопливо. Девушка поймала себя на мысли, что в таком месте они с братом могли бы обрести настоящий дом и перестать скитаться по дешёвым пансионатам.

С удовольствием прогулявшись по главной улице с булыжной мостовой и полюбовавшись старинной церковью, она прошла по мосту и вскоре приблизилась к заброшенному коттеджу с исцарапанной парадной дверью. Боковым зрением Оливия отметила, как всколыхнулись занавески в доме напротив, и поборола искушение оглянуться. Назойливое любопытство, этот порок, присущий многим жителям сельской местности, вызывало у неё безотчётную неприязнь.

Когда она вынула ключ и начала отпирать дверь, откуда-то выскочил угольно-чёрный терьер с густой чёлкой и принялся насканивать на неё, заливаясь пронзительным и ничуть не дружелюбным лаем. Несмотря на скромные размеры, пёс явно считал себя кем-то вроде цербера, а в действиях непрошеной гостьи усматривал преступные намерения. Однако лаять и подсказывать ему вскоре наскучило и он, протиснувшись в узкий лаз, проник в палисадник и, несколько не смущённый посторонним взглядом, принялся с упоением копать в цветочной клумбе. Надо сказать,

что цветник и так представлял собой удручающее зрелище, и активные попытки собаки отыскать притаившегося в розовых кустах воображаемого врага вполне прозрачно указывали на виновника разрухи.

Решив, что о бесчинствах пса и незавидной участи трепетно лелеемого в прошлом цветника тётушке Розмари докладывать ни в коем случае не стоит, Оливия вошла в коттедж и прикрыла за собой дверь. Всё здесь было таким миниатюрным, что она почувствовала себя великаншей.

Из крошечного коридора, бóльшую часть которого занимала крутая лестенка, ведущая на второй этаж, в спальню, открывалось два пути – в кухню и в гостиную. И там, и там было буквально не повернуться от старомодных ваз с пыльными букетами из сухостоя, причудливых цветочных композиций под стеклянными колпаками и кукол с печальными фарфоровыми личиками.

На всём – на мебели, вышитых подушках, каминной полке с викторианскими часами – лежал тонкий слой бархатистой пыли. Оливия с неудовольствием подумала, что, когда работа будет закончена, вид у неё будет как у трубочиста.

Со вздохом девушка вынула из дорожной сумки внушительный список вещей, которые следовало тщательно упаковать и отправить в Саффолк, в Гриффин-холл, где тётушка Розмари вот уже более полугода счастливо жила в полном довольстве, не помышляя о том, чтобы вернуться в свой крошечный коттедж, и рассказывая всем, кто готов был слушать, о притеснениях, которые ей приходилось терпеть в прошлом от соседней и их невоспитанной собаки.

Оливия отыскала на кухне выцветший фартук с кокетливыми оборками. Сняла пиджак и закатала рукава рубашки. Повязав фартук, девушка принялась за дело, попутно обдумывая, в каких выражениях расскажет Филиппу, своему брату-близнецу, оставшемуся в Лондоне, что поддавалась на уговоры попутчицы в забавной шляпе с виноградными гроздьями и ввязалась в сомнительную авантюру.

Сейчас, в одиночестве, обещание прибыть завтрашним утром в Мэдлингтон, данное ею леди Элспет, показалось Оливии слишком поспешным. Она уже жалела о своём безрассудстве, но не подозревала, что в скором времени ей придётся пожалеть о нём ещё сильнее.

* * *

Чтобы представить себя и детей в лучшем виде, Бернадетта Понглтон, прибыв во Фроингем, решила провести ночь в комнате над деревенским трактиром, а уже утром отправиться в Мэдлингтон. Она не приняла во внимание тот факт, что даёт этим пищу для бурных обсуждений, которые неминуемо достигнут ушей леди Элспет, до сих пор пребывающей в неведении относительно наличия у скоропостижно скончавшегося Монти потомства. Так оно и произошло.

Утром, как только леди Элспет открыла глаза и тотчас же получила от Анны (обычно не настолько расторопной) чашку утреннего чая, она поняла, что горничная явно чем-то взволнована. В такое состояние её могла привести либо серьёзная стычка с дворецким, либо намерение выклянчить внеочередной выходной.

Всё время, пока леди Элспет пила мелкими глоточками свой чай, Анна не покидала её спальню, и выражение лица у неё при этом было самое загадочное. Когда горничная в третий раз раскрыла шкаф и принялась без всякой видимой необходимости поправлять висевшие там платья, пожилая дама не выдержала:

– Я надеюсь, Анна, ты в добром здравии? И твои родственники тоже?

(Если верить горничной, у неё была очень многочисленная дальняя родня, с которой то и дело случались всякие неприятности, требующие её незамедлительного прибытия.)

– О да, леди Элспет, спасибочки вам за беспокойство, – и она одёрнула фартук, что в её представлении являлось внешним выражением почтительности.

– Так что же произошло? Надеюсь, к приезду гостей всё готово?

– К обеду закончу с комнатами мистера Джорджа и мистера Седрика, – туманно выразилась Анна, но осталась стоять, не сводя глаз с хозяйки. – Гости, да... Родня – дело такое... – произнесла она ещё загадочнее, чем вызвала у леди Элспет неподдельное любопытство.

– И что не так с гостями, Анна? Буду признательна, если ты перестанешь смотреть на меня так, будто бы я превратилась в привидение. Если тебе есть что сказать – говори, а если нет – то Хигнетт будет рад пристроить тебя к делу.

– Дети! – выпалила Анна, не собирающаяся допускать, чтобы ошеломляющую новость хозяйке сообщил кто-то другой. – Вы знаете, мэм, как я сплетни деревенские не люблю, а однако ж уши-то не заткнёшь. Посылала меня миссис Вайсли вчера в деревню, и я там такое услышала! Прямо и не знаю, как вам сказать-то.

– Господь Всевышний, – перепугалась леди Элспет, – с детьми приключилось несчастье? Они живы?

– Да живы, конечно, что им будет-то? – не поняла беспокойства Анна. – Чистенькие, глазастые такие, да только на мистера Монти, – и она, зажмурившись, перекрестилась, – совсем не похожи. Вот ничуточки. Все в мать пошли, сказала мне Айви, что в трактире прислуживает. И смуглые уж больно.

– Господь Создатель! – леди Элспет расплескала остатки чая и второй раз за утро призвала Господа на помощь. – У Монти есть смуглые незаконнорождённые дети от Айви, которая прислуживает в трактире? А почему я только сейчас об этом узнаю?

– Да нет же, – не слишком почтительно отмахнулась Анна от этого вздорного предположения. – Дети-то не от Айви, она девушка порядочная и ничего такого себе не позволяет, а от его жены, что приехала вчера и заняла самую дешёвую комнату над «Розой и

короной». И на ужин она спросила только чай и хлеб без масла, а холодное мясо отправила обратно, на кухню, а Айви говорит, что мальчишки-то чуть не расплакались, когда она тарелку-то понесла, прямо вот сердце у ней захолонуло от такого зрелища.

Сердце леди Элспет от этого известия тоже забилося чаще. Дети! У Монти, оказывается, есть дети!.. Но ведь в письме Бернадетты ничего об этом не сказано.

С тихим стоном пожилая дама опустилась на подушки и прикрыла глаза. Новость и так оказалась ошеломительной для раннего утра, а тут ещё приезд этой девушки, которая откликнулась на её просьбу изобразить компаньонку (...как же её имя? Октавия? Амелия? Сесилия?..), и визит сыновей с жёнами, и подготовка к ежегодному празднику, и знакомство с французской женой Монти. Одно было несомненно: покоя ждать не стоит. И, что самое досадное, ей придётся пропустить забег в Донкастере, в котором впервые будет участвовать многообещающий жеребец из дублинских конюшен (а о нём ходили любопытнейшие слухи! вот бы посмотреть его в деле!), ведь выбраться из Мэдлингтона в ближайшее время ей возможности явно не представится.

А вот Анна вышла из покоев хозяйки необычайно довольная собой. Спускаясь в кухню, она немелодично мурлыкала себе под нос весёленький мотивчик, предвкушая, как вытаращит глаза кухарка, когда услышит новости об очередных неурядицах в семье Понглтон.

* * *

Оливия Адамсон провела в коттедже тётушки Розмари поистине ужасную ночь. Несмотря на усталость после упаковки и отправки вещей по списку, её ночной отдых был крайне непродолжительным. Виной тому был не только тощий колючий матрац, в котором, судя по ощущениям, в качестве набивки явно использовались металлические стружки, рыбные кости и камни, но и ветхость

постройки, и привычка соседского пса яростно, будто призывая все силы ада к отмщению, выть по ночам.

От каждого порыва ветра коттедж принимался скрипеть и постанывать, и этим немелодичным звукам час за часом вторил соседский терьер. Подобно скорбящей Ниобее, он оплакивал нечто, дорогое его сердцу и безвозвратно утерянное. Причём трудно было даже вообразить, как такой тщедушный пёс ухитряется исторгать столь мощные и надрывные звуки.

Наспех позавтракав купленным накануне в деревенской лавке сыром и рыбным паштетом, Оливия по мере сил привела себя в порядок, заперла коттедж и отправилась на почту. Звонок в Мэдлингтон подтвердил: её ждут и даже готовы выслать за ней машину на станцию, если она успеет на десятичасовой поезд.

Сделав ещё один звонок, на этот раз в Лондон, в пансион миссис Флорид, что на Броуди-стрит, Оливия осталась разочарованной. «Молодой мистер Адамсон ушёл сразу же после завтрака. И мне показалось, что он был крайне взволнован. На нём просто лица не было. В общем, выглядел он, как человек, который получил ужасное известие», – многозначительно сообщила ей помощница владелицы пансиона, вечно пребывающая в экзальтации мисс Рэндольф. В юности она служила костюмершей в небольшом театре, и, проникнувшись царившей там атмосферой, не захотела расставаться с ней и двадцать лет спустя. Все, кто жил в пансионе миссис Флорид, знали, что такие сообщения ровным счётом ничего не значат, и пропускали их мимо ушей.

Поезд подали к перрону без опоздания. Оливия вошла в пустое купе и обрадовалась тому, что проведёт поездку в одиночестве и, если повезёт, немного подремлет, а потом напишет пару писем.

На деле вышло иначе. Стоило ей прислониться к обитой бархатом спинке скамьи и прикрыть глаза, как она провалилась в крепкий сон и очнулась только в тот момент, когда поезд прибыл во Фроингем. Шея у девушки немилосердно затекла, во рту пересохло, волосы,

заплетённые в косу, растрепались, и просьба леди Элспет изобразить её компаньонку вдруг показалась ей нелепым розыгрышем.

В таком вот виде, заспанная и растрёпанная, Оливия уселась в прибывший за ней автомобиль, за рулём которого сидел слишком развязный для должности шофёра молодой человек. Представился он Оскаром Финчем и всю дорогу поглядывал на девушку, как ей представлялось, с высокомерным недоумением. Оливия только сейчас начала догадываться, что её обещание взять на себя роль компаньонки повлечёт за собой не только забавные моменты, над которыми потом можно посмеяться вместе с Филиппом, но и такие сложности, как выстраивание отношений с остальной прислугой.

Погода, с утра совершенно безмятежная и не предвещающая осадков, к удивлению девушки, испортилась за считанные минуты, и когда автомобиль въехал на территорию поместья, послышался стук падающих капель и жемчужно-серый гравий безупречных дорожек приобрёл цвет тёмного графита. Шофёр прибавил скорость, и Оливия поразились размерам фамильного гнезда лордов Понглтонов. Пока автомобиль не свернул с главной аллеи, она успела заметить серую каменную стену с зубцами, симметрично расположенные башни с острыми шпилями и маленькие окна, придающие дому хмурый и надменный вид. Мэдлингтон-Касл напомнил ей замок великана из старинной сказки о находчивом Джеке.

Когда путешествие окончилось, Оливии пришлось самой управляться и с зонтиком, и с картонным чемоданчиком, где находились её немногочисленные дорожные принадлежности, – по всей видимости, помогать прислуге женского пола шофёру не полагалось. Как только она вышла, автомобиль резко развернулся и скрылся за поворотом. Оливия осталась одна.

Девушка перехватила чемодан другой рукой и подняла голову. Высокая каменная стена с бойницами крошечных окон на фоне стремящихся вниз капель воды напоминала средневековое укрепление, а не часть хозяйственной постройки. Оливия зябко

передёрнула плечами и постучала в потемневшую от времени деревянную дверь, клятвенно обещая себе никогда больше не заводить знакомства в поездах и не принимать скоропалительных решений.

* * *

Леди Элспет мучительно пыталась припомнить имя этой милой девушки, что с такой лёгкостью откликнулась на её просьбу. Вот уже четверть часа они вели приятную светскую беседу, угощаясь чаем и бисквитами, но невозможно же всё время называть человека «милочкой». Да ещё этот дождь! В хорошую погоду она бы предложила гостю прогуляться по саду, а сама в удобный момент удалилась в свою комнату и наконец-то пролиставла бы газету с анонсом ближайших скачек. Подобное времяпровождение всегда успокаивало её, а успокоиться сейчас не помешало бы.

Оливия не преминула отметить про себя перемену в отношении к ней хозяйки Мэдлингтон-Касл, но заострять на этом внимание не стала, хоть обращение «милочка» и резало ей слух.

– Так вот, леди Элспет, я нахожусь в небольшом затруднении...

– Затруднении?! О, понимаю, – пожилая дама тут же встала и принялась рыться в ящичках бюро в поисках наличных, – конечно, конечно, как я сама не сообразила.

Оливия покраснела.

– Я не имела в виду затруднения такого рода, леди Элспет, – тон Оливии был довольно резок, – я говорю о том, что для меня остаётся неясным, как мне вести себя в присутствии ваших родственников. И с остальной прислугой тоже. Видите ли, я никогда не нанималась компаньонкой, и слабо представляю себе, чего от меня ждут.

Раздался лёгкий стук, и в личную гостиную леди Элспет вошёл Хигнетт. Мягким баритоном он доверительно произнёс:

– Я распорядился отнести вещи мисс Адамсон в зелёную комнату. Думаю, там ей будет удобнее всего.

Леди Элспет, довольная тем, что тайна имени её гости раскрыта, с энтузиазмом поблагодарила дворецкого и поставила чашку с недопитым чаем на столик.

– Вы играете в бридж, милоч... мисс Адамсон?

– Не слишком хорошо.

– Хм... А в вист?

– Немногим лучше, чем в бридж.

Леди Элспет нахмурилась и вздохнула.

– Что ж... Всё равно, пока мои сыновья не уедут, о развлечениях и речи быть не может. Вы и не представляете, мисс Адамсон, какие они оба зануды. А их жёны!.. Я так рада, что вы согласились стать моей компаньонкой, – и она порывисто прикоснулась к руке Оливии, мимолётно её пожав. – Хотя бы кто-то будет на моей стороне. Подготовка к ежегодному празднику всегда утомительна, а тут ещё приезд вдовы Монти...

– А что не так со вдовой вашего младшего сына? – Оливия позволила себе эту вольность, начиная привыкать к роли компаньонки и доверенного лица.

– Она француженка, – пожалала плечами леди Элспет. – Никто из нас никогда не видел её. Восемь лет назад Монти пришлось спешно покинуть Англию. Он некоторое время путешествовал по континенту, а потом осел во Франции и женился на модистке по имени Бернадетта. Мы узнали обо всём спустя ещё несколько лет. Монти просто написал мне письмо с просьбой выслать деньги и между делом сообщил о своей женитьбе. Артур, мой муж, был просто вне себя от ярости. Но Монти подобное никогда не волновало. А потом он погиб во время пожара в каком-то французском притоне, и мы вновь не сразу узнали об этом. На самом деле для Артура Монти умер уже давно. Муж запретил и мне, и сыновьям упоминать его имя и вычеркнул его из фамильной летописи Понглтонов.

– В семье не всегда бывает всё гладко, – дипломатично произнесла Оливия, потрясённая такой откровенностью хозяйки Мэдлингтона.

– В общем-то, мисс Адамсон, вам требуется запомнить всего несколько вещей, – задумчиво проговорила леди Элспет. – Ни в коем случае не давайте командовать собой Виктории, жене Джорджа, и ни при каких условиях не спорьте о политике с Седриком, моим средним сыном. Он убеждённый социалист и начинает обращать в свою веру всех, кто не имеет твёрдых политических взглядов. Боюсь, ему доставалось мало внимания в детстве. Вечный двенадцатый игрок^[3]. Что поделаться, это удел средних сыновей.

– Наверное, вашим любимчиком был младший, Монтгомери? Так часто бывает.

– О нет! – звонко рассмеялась леди Элспет. – Вы и не представляете, каким засранцем был Монти. Он то и дело третировал окружающих с милой улыбкой на устах. Будь Монти жив, то нипочём бы не позволил Артуру завещать Мэдлингтон мне. А Седрик никогда не блистал, к сожалению. Он похож на моего брата, такой же увлекающийся и слабохарактерный. Но я довольна его женой, Присциллой. Она крепко держит вожжи в руках. Исключительно милая женщина. До встречи с Седриком она работала то ли санитаркой, то ли учительницей. Это счастье, что она не отвернулась от него, когда узнала о... Ну да не будем об этом. Всё позади, и ладно. Я искренне благодарна Присцилле, что она сумела сделать для моего сына то, чего не сумела я. За это я готова прощать ей многое.

– Не позволять Виктории командовать и не спорить с мистером Седриком. Я постараюсь запомнить, – с серьёзным видом кивнула Оливия. – А мистер Джордж? Как мне вести себя с ним?

– О, на Джорджа вам обращать внимание не стоит. Он немного подует на меня из-за того, что я спутала ему все карты и не позволила подсунуть мне шпионку, которую они с Викторией

выбрали, но быстро забудет об этом. И к тому же он никогда не замечает тех, кто не может быть ему полезен.

После этих нелестных слов в адрес сына леди Элспет вызвала горничную и попросила ту показать гостье её комнату.

– Постарайтесь как следует отдохнуть, мисс Адамсон, – посоветовала она. – Вечером в Мэдлингтоне будет настоящее столпотворение. Анна проводит вас в вашу комнату.

Хмурая и не улыбкающая горничная резким движением одёрнула фартук, глядя на Оливию без всякой симпатии. Пока они шли по сумрачному коридору, освещённому тусклым светом, льющимся из высоких узких окон, она не проронила ни словечка, и только время от времени шмыгала носом и искоса разглядывала и потёртый чемоданчик, и брюки гостьи леди Элспет.

Комната оказалась просторной, светлой, с несколькими окнами, выходившими в сад, и огромным камином с облицовкой из песчаника. Судя по всему, здесь недавно проветривали, но устоявшийся запах затхлости указывал на то, что долгое время комната стояла запертой. Пыльная ваза на каминной полке была пуста, зеркало у туалетного столика покрыто патиной.

– Ланч у нас подают ровно в час, – бесцветным голосом, лишённым всякой приветливости, сообщила горничная.

– Вот как, – из вежливости ответила Оливия, внимательно глядя на девушку в ожидании продолжения.

Та посчитала её короткое замечание приглашением к беседе и без всяких церемоний спросила:

– А вы, мисс, значит, будете леди Элспет прислуживать? Недовольна она, стало быть, мною?

– Да нет же, Анна, – поспешила разуверить её Оливия, – твои обязанности останутся прежними. Леди Элспет попросила меня побыть её компаньонкой. Я буду помогать ей с письмами и всем прочим.

– Компаньонкой, – повторила Анна без всякого выражения. – Ага, ну ладно. Всё понятно. Так и передам Хигнетту, ага.

После этих слов горничная повернулась и вышла, с резким стуком прикрыв за собой дверь, а Оливия, разобрав немногочисленные вещи, присела на край высокой кровати, а потом упала на спину, раскинув руки, и долго смотрела в потолок, покрытый извилистыми трещинами. В углу, в центре аккуратной, любовно сплетённой паутины восьмилапый хозяин с хлопотливой радостью возился с крупной, вяло трепыхавшейся мухой, неосторожно угодившей в его ловушку.

Глава пятая, в которой гости съезжаются в Мэдлингтон-Касл, и вождеденный покой так и норовит окончательно ускользнуть от леди Элспет

Тихий шорох дождя за окнами и бессонная ночь, которую провела Оливия в маленьком коттедже тётушки Розмари, сделали своё дело. Веки девушки отяжелели, и через пять минут после ухода горничной она уже крепко спала.

Её недолгий сон нарушил деликатный, но вместе с тем требовательный стук. Оливия резко очнулась и, не сразу сообразив, где находится и почему уснула в одежде, вскочила на ноги и подошла к двери.

На пороге стояла леди Элспет, и по её лицу было понятно, что пожилая дама пребывает в сильнейшем волнении.

– Она приехала! И не одна, с нею дети! Мне сказал Хигнетт, что они ждут меня в гостиной, – внимательно оглядев Оливию, леди Элспет спохватилась: – О, я помешала вам отдыхать?

– Ничего-ничего, – пробормотала девушка, – я сейчас приведу себя в порядок. Вы, наверное, желаете, чтобы я встретила Бернадетту вместе с вами?

– Это было бы весьма уместно, – призналась леди Элспет, входя в комнату и с мимолётным интересом разглядывая её убранство. – Видите ли, мисс Адамсон, я понятия не имею, как мне держать себя с этой женщиной. Да и не каждый день узнаешь, что у тебя, оказывается, уже двое внуков. Я распорядилась, чтобы ланч сегодня подали раньше обычного, и как мне кажется, присутствие ещё одного человека за столом могло бы разрядить обстановку.

Пока Оливия причёсывалась и брызгала себе в лицо холодной водой из кувшина, леди Элспет нервно прохаживалась по комнате,

то и дело растирая ладони. В мутном зеркале отражалась её статная, то удаляющаяся, то приближающаяся фигура, нижняя юбка из фатина под тонким муслиновым платьем издавала отчётливый шелест, будто листья под ногами в осеннем лесу.

Вдвоём с Оливией они молча прошли по длинному коридору, соединяющему жилое крыло дома, где находились покои леди Элспет и гостевые спальни, с общими помещениями – малой и большой гостиной, а также обеденным залом. В коридоре чувствовался сквозняк. Несмотря на исключительно тёплое для этой местности лето здесь было сыро и промозгло, и девушку пробрала дрожь.

– Дом очень старый, к тому же стоит в неудачном месте, – пояснила леди Элспет, заметив, что её спутница замёрзла. – Каменные стены полны щелей, и ветер с холмов проникает внутрь со всех четырёх сторон. Артур, покойный лорд Понглтон, был рьяным противником преобразований в Мэдлингтоне. Его род ведёт свою историю от норманнских завоевателей, и дом был выстроен на месте фортификационного укрепления. Внутренние стены и цитадель сохранились почти что в первозданном виде, а основное здание было полностью перестроено сразу после окончания войны между Ланкастерами и Йорками. С той поры Мэдлингтон не подвергался серьёзным изменениям. Джордж питает напрасные надежды убедить меня вложить львиную долю капитала в реставрацию этого древнего монстра, но я вожу его за нос и не говорю ни да ни нет, – и леди Элспет злорадно рассмеялась. – В Мэдли совершенно невыносимо жить зимой, и я бы давно избавилась от дома и переехала в Торки или в Плимут, но мне не хочется доставлять Джорджу такое удовольствие.

Они подошли к обеденному залу, и Хигнетт, стоявший наготове, церемонно распахнул перед ними двери. Зал поражал воображение своими размерами и убранством, и Оливия, залюбовавшись резными дубовыми панелями и тем, с каким церковным неистовством льётся дневной свет через узкие витражные окна, не

сразу обратила внимание на три маленькие фигурки, жавшиеся друг к другу возле длинного, уставленного серебряной посудой стола.

– Я так рада, дорогая Бернадетта, что мы наконец-то увиделись, – звучный голос леди Элспет, в котором не было и следа растерянности, нарушил неловкую тишину, и Оливия поразилась тому, сколько тепла и радушия было в нём. – Я просто счастлива приветствовать вас в Мэдлингтоне. Надеюсь, вы не успели промокнуть, пока добирались?

– О нет, миледи, благодарю, мы доехали с большим удобством. Мистер Финч, ваш шофёр, был очень любезен и...

Хозяйка дома с жаром запротестовала:

– Что вы, мистер Финч вовсе не мой шофёр! Он местный ветеринар и настоящий верный друг, который так чрезвычайно любезен, что порой выполняет мои маленькие поручения. А это мисс Адамсон, моя помощница, – представила она Оливию. – Но познакомьте же меня скорее с сыновьями Монти! Для меня их появление в Мэдлингтоне стало большой неожиданностью, – не преминула съязвить леди Элспет, сохраняя невинное выражение лица.

Мальчики, пока длилась беседа взрослых, не отрывали глаз от накрытого стола, но, когда мать выпустила их ладошки и подтолкнула к высокой леди в изумрудном, переливчатом, как крылышки стрекозы, платье, растерялись. Едва слышно, пугаясь пристального взгляда дворецкого и того, как искажаются их слабые голоса в зале таком огромном, что в нём могло бы поместиться самое высокое дерево и не задеть макушкой потолка, дети заученно произнесли полагающиеся слова и отступили к матери. Старший мальчик взял ладошку брата в свою, утешая и поддерживая его, и леди Элспет, растрогавшись, произнесла:

– У вас, Бернадетта, чудесные дети! А ведь братья так редко бывают дружны между собой.

На щеках Бернадетты появился румянец, она горделиво выпрямила спину и хотела что-то ответить, но тут в столовую вошёл

Оскар Финч, сдержанно всех поприветствовал, и момент был упущен.

Во время ланча он полностью завладел беседой, чему, как показалось Оливии, леди Элспет была безмерно рада. Молодой человек в отлично сшитом щегольском костюме игнорировал всех, кроме хозяйки дома, и демонстрировал отменный аппетит. Его истории из ветеринарной практики были хоть и забавны, но балансировали на грани приличий, и несколько раз Оливия замечала на лице Бернадетты недоумённо-брезгливое выражение. Леди Элспет такие мелочи не смущали, и её громкий хрипловатый смех то и дело раздавался в гулком пространстве обеденного зала.

Ближе к окончанию трапезы в столовую вошла горничная и передала дворецкому телеграмму. Улучив момент, когда беседа затихла, тот вкрадчиво положил её рядом с приборами хозяйки и отошёл к сервировочному столику.

– Ну, что я говорила, – с усталым вздохом произнесла леди Элспет, бегло прочитав послание и с гримасой откладывая его в сторону, – Джордж и Виктория прибывают четырёхчасовым поездом. Надеются застать меня одну и вновь завести старую пластинку, – и они с Оскаром Финчем обменялись понимающими взглядами.

* * *

В трактире «Роза и корона», куда Оливия отправилась сразу после ланча в Мэдлингтоне, в это время дня было тихо и безлюдно. В воздухе стоял застарелый запах пива, будто ничего другого за последние сто лет здесь не подавали, что, скорее всего, соответствовало истине. За длинной дубовой стойкой, отполированной локтями завсегдатаев, стояла пышная светловолосая девушка и с интересом листала яркий журнал, на обложке которого была изображена блондинка, сидевшая в машине с откидным верхом и обнимающая маленького пушистого шпица.

Девушка так погрузилась в это занятие, что Оливии пришлось несколько раз откашляться, чтобы привлечь к себе внимание.

– Что вам, мисс? – не слишком любезно спросила девушка, с сожалением закрывая журнал и убирая его под стойку.

Свои ежедневные и невероятно тривиальные обязанности Айви считала досадным недоразумением и не давала себе труда скрывать это от посетителей.

– Мне нужно позвонить в Лондон.

– Четыре пенса, если вы не собираетесь брать комнату, – неохотно сообщила девушка и взглянула на Оливию с некоторым подобием интереса.

– Я буду жить в Мэдлингтон-Касл, так что комната мне пока не нужна. Вот разве что позже, если в Йоркшир приедет мой брат. А пока я бы просто хотела позвонить, – Оливия улыбнулась и выложила на стойку монеты.

Гостя из Мэдлингтона, брат из Лондона – это было уже интересно, и Айви окончательно очнулась от грёз, в которые она неизменно погружалась, читая про жизнь кинозвёзд и театральных актрис. Смахнув монетки в кассу, она выбралась из-за стойки и указала посетительнице на телефонный аппарат, стоявший на маленьком столике в нише у окна. Оливия, чувствуя, как цепкий взгляд любопытной девицы скользит по спине, поняла, что непременно станет героиней всех дневных и вечерних сплетен трактира «Роза и корона».

В пансионе долго не снимали трубку, по-видимому, мисс Рэндольф вышла заварить себе чай и, как водится, на что-то отвлеклась. Пришлось выждать несколько минут и вызвать Бремерси снова.

– Олив, где тебя носит? – когда из трубки послышался баритон Филиппа, Айви с похвальной старательностью принялась протирать пивные кружки, бездарно делая вид, что нисколько не интересуется происходящим в нише у окна. – Я думал, ты вернёшься к ланчу. Не успела на поезд? Где ты сейчас?

– Я всё ещё в Йоркшире, Филипп, – стараясь говорить как можно тише, Оливия почти шептала, прижимая чёрную бакелитовую трубку к самым губам. – И пробуду здесь ещё некоторое время. Звоню сказать, чтобы ты не терял меня. Я остановилась в Мэдлингтоне, это во Фроингеме, в северной части Йоркшира. У меня здесь появилось дело.

– Какое ещё дело?! Ничего не понимаю. Что у тебя случилось? Оливия, мне срочно нужно кое-что тебе рассказать. Кое-что важное, – голос Филиппа разносился по всему трактиру.

Оливия поморщилась и прошептала в трубку: «Ради бога, Филипп, ты можешь так не орать?» – но брат её не услышал. Чем тише она старалась говорить, тем громче он переспрашивал, принимая возмущённое шипение сестры за помехи на линии. Закончив разговор и резко обернувшись, Оливия застала белобрысую девушку врасплох – та, машинально протирая одну и ту же кружку в десятый раз, внимательно следила за ней, приподняв бесцветные брови и выпятив нижнюю губу. На лице её читалось восхищение свежими событиями, к которым она оказалась причастна.

* * *

Старший сын леди Элспет Понглтон и его супруга прибыли в Мэдлингтон в начале седьмого. Судя по внушительному багажу, надежду на их скорый отъезд питать не стоило.

– Так вы и есть мисс Адамсон? – холодно поинтересовалась Виктория Понглтон, снимая перчатки и разглядывая Оливию в упор. Тон её был не слишком вежлив, блёкло-зелёные, болотного оттенка глаза следили за каждым движением девушки. – Надеюсь, вы поладите с моей свекровью. Она любит окружать себя молодыми людьми, но характер её простым не назовёшь. Вы уже служили компаньонкой? Не сомневаюсь, что у вас имеются отличные

рекомендации. Признаться, мне было бы любопытно на них взглянуть. Напомните мне об этом чуть позже.

Оливия растерялась от напора этой крупной высокой женщины. Ей подумалось, что если бы она играла в игру, где требуется охарактеризовать человека одним словом, то внешность distinguished Виктории Понглтон подходила бы под описание «дюжая». В ней всего было много – голоса, телесных форм, самомнения и снобизма. Изящно вырезанные ноздри массивного носа дрожали от скрытого возмущения, а мощные плечи и руки, как, впрочем, и её имя, заставляли вспомнить бронзовую скульптуру, что установлена близ Вестминстерского дворца и изображает легендарную Боудикку^[4]. На Оскара Финча, который привёз её и Джорджа с железнодорожной станции, она даже не посмотрела. Бернадетта, встречавшая гостей вместе со всеми, но стоявшая чуть поодаль, удостоилась лишь вялого кивка.

– Пойдём, Джордж, тебе нужно отдохнуть и переодеться, а мне написать несколько писем, – распорядилась Виктория мужем и тяжёлой походкой отправилась вслед за подросшей горничной, а Оливии бросила на ходу: – Полагаю, мисс Адамсон, у нас будет возможность познакомиться поближе за ужином.

Когда она покинула холл, леди Элспет и Оскар Финч заговорщически друг другу улыбнулись, не приглашая Оливию в свой союз посвящённых, и та в очередной раз спросила себя, как её угораздило согласиться на участие во всей этой аванюре. В душе Оливии шевельнулось раздражение, ей стало казаться, что её обманом и манипуляциями вовлекли в участие в каких-то своих, неизвестных ей планах, при этом заставив отказаться от собственных. А виной всему неуёмное любопытство, порой толкающее её на безрассудные поступки. «Вот Филипп ни за что бы не согласился поехать чёрт знает куда и изображать там чёрт знает кого!» – тоскливо подумала девушка.

Однако уже через пять минут, увлекаемая леди Элспет на прогулку, она выкинула из головы все сожаления. Хозяйка Мэдлингтона была с

нею так мила, так любезна, что Оливия против воли перестала досадовать и злиться. Обаянию пожилой дамы сопротивляться было невозможно – приобняв девушку за талию, леди Элспет развлекала её уморительными, хотя и не без толики яда, замечаниями о собственных невестках, сыновьях и предках покойного лорда Артура Понглтона, рассказала ей массу всего любопытного о предстоящем празднике и традициях, порой довольно забавных, которых придерживались жители окрестных деревень. Дождь давно закончился, вечернее солнце вызолотило и пёстрые пустоши, видневшиеся с террасы, и холмы, словно покрытые сотнями тысяч ярдов изумрудного бархата. Неподвижный воздух стал плотным, как если бы где-то вдалеке, над морем, собиралась с силами, готовясь обрушиться на побережье, летняя неистовая гроза.

Внимание Оливии привлекло одиноко стоявшее строение, похожее на часовню. Отсюда, с террасы, виднелась только его часть, но то, как разрослась тисовая ограда вокруг него, давало повод думать, что здание заброшено и давно не используется по назначению.

Леди Элспет, заметив, куда смотрит спутница, подхватила её под руку и деликатно развернула в другую сторону. С наигранным энтузиазмом она принялась описывать предстоящий праздник, сетуя на то, что после всех увеселений садовнику и его помощникам приходится трудиться не покладая рук, чтобы восстановить лужайку и привести в порядок клумбы.

– А сколько средств уходит на сооружение каруселей для детишек, ярмарочных павильонов и шатров для гадалок, торговки чайными лепёшками и прочей снедью, вы и не представляете! – леди Элспет крайне неаристократично закатила глаза и фыркнула. – Бедолага Джордж просто зубами скрежещет, когда я подписываю счета. Но оно того стóит, вот увидите, мисс Адамсон. Для тех, чья жизнь проходит в череде серых будней, праздники имеют большое значение. К тому же это отличный повод пообщаться с арендаторами. Вот погодите, все соберутся, и тут закипит такая

работа! В этом есть что-то вдохновляющее, не правда ли? Постоите-ка... – и она, обернувшись, прищурилась. – По-моему, я вижу Седрика с Присциллой.

По аллее шагали двое – мужчина и женщина. У каждого в руках было по чемодану.

– Боже! – то ли ужаснулась, то ли восхитилась леди Элспет. – Я же поручила Финчу их встретить. Они что, с самой станции так идут?!

Когда гости приблизились настолько, что можно было рассмотреть их лица, ответ на вопрос, высказанный хозяйкой Мэдлингтона, стал очевиден. Мужчина двигался тяжело, будто каждое движение причиняло ему муки, и, когда он опустил чемодан на гравий, на лице его проступило безмерное облегчение. Коричневое платье его спутницы запылилось, она выглядела уставшей, выбившиеся из причёски пряди были влажными и липли к шее.

Они сдержанно поприветствовали леди Элспет и с одинаковым вежливым недоумением воззрились на Оливию.

– Это мисс Адамсон, моя компаньонка, – представила её пожилая дама. – Джордж и Виктория уже здесь. Приехали полчаса назад, вы увидите их за ужином.

– Ну, разумеется, Джордж всегда первый, – выразил недовольство Седрик Понглтон. – Я не припомню случая, чтобы...

– Что ты, дорогой, – перебила его Присцилла, – нет никакой разницы, кто приехал первым, а кто вторым, – и она улыбнулась Оливии открытой располагающей улыбкой. – Мы все рады оказаться в Мэдлингтоне и по мере сил помочь с подготовкой к празднику.

Она вслед за мужем вошла в холл и так же, как и он, отказалась передать чемодан дворецкому. Супруги, хоть и выбились из сил во время путешествия, но внесли свои вещи в предназначенную для них комнату самостоятельно, не прибегая к помощи слуг.

* * *

Незадолго до ужина снова пошёл дождь. Его освежающие струи застали Присциллу Понглтон врасплох, и ей пришлось поторопиться, чтобы не промочить платье насквозь. Держа над головой охапку срезанных в оранжерее цветов, она бежала по лужайке, наслаждаясь тем, как пружинит под ногами влажная земля, и какой чудесный запах идёт от зелёных стеблей, и в этот момент ощущала такое блаженство, что из груди её чуть не вырвался крик радости.

С недавних пор жизнь её пошла на лад, и Присцилла стремилась удержать то волшебное ощущение приближающегося счастья, с которым просыпалась каждое утро. В холле ей встретился дворецкий, и она, вдруг посчитав нужным объясниться, тряхнула букетом.

– Не правда ли, они прекрасны? – пригласила она его полюбоваться цветами. – Нигде, нигде, кроме как в Мэдли не растут такие великолепные цветы. Наверное, дело в насыщенности почвы минеральными веществами. Уверена, садовник не будет возражать, что я самовольничала в оранжерее.

Хигнетт позволил себе изобразить на лице чрезвычайно вежливое несогласие с этим утверждением, но Присцилла Понглтон не обратила на него никакого внимания и торопливо взбежала по лестнице. Она вошла в комнату и радостно воскликнула, протягивая мужу охапку цветов:

– Седрик, ты только взгляни на них!

Тот лишь хмуро посмотрел на жену и ничего не ответил. Пока Присцилла с сомнением заглядывала внутрь узкой вазы, пытаясь определить, сколько пыли скопилось на дне, он молча, с неодобрением, следил за ней взглядом. Наконец, он облёк в слова то, что его мучило:

– Как думаешь, Джордж уже вывел её из себя своей настырностью? Уверен, что он не преминул воспользоваться ранним приездом, чтобы снова завести ту же песню.

– Я бы на твоём месте не думала сейчас об этом. Леди Элспет предстоит много хлопот перед праздником, и наша задача облегчить

её бремя. А вот когда всё успокоится, тебе непременно представится удобный случай обговорить с ней наш план. А до той поры сдержанность – вот лучший советчик.

С этими словами Присцилла подошла к Седрику и положила руки ему на плечи. Ладони её были горячи, раздумавшееся лицо так близко, что он ощутил привычное успокоение, но благодарность за поддержку жены быстро уступила место пессимизму.

– И ещё эта девица... Джордж всё-таки подсунул матери компаньонку. Или это Виктория постаралась?

– Тебе нужно выпить чашку чая и прекратить терзаться понапрасну, – строгим тоном гувернантки произнесла Присцилла и легонько встряхнула мужа. – Крепкого, сладкого чаю. Ты утомился, ты голоден, тебе сейчас всё представляется в чёрных красках. Дай себе отдых, дорогой, тебе это необходимо.

Морщины на лбу Седрика чуть разгладились, и он медленно выдохнул, прикрыв глаза, как утомлённый тяжким бременем человек.

– Ты права. Права, как и всегда. Я совсем не щажу себя. Питтсу и не снилось напряжение, которого требует от меня наша задача. Он всего лишь простой исполнитель, ему ничего не известно о том, скольких сил требует настоящая политическая борьба.

– Конечно, дорогой. Да что он вообще понимает, этот Питтс, – прошептала Присцилла и принялась разминать мужу плечи, поглаживать их, бормотать что-то ободряющее и утешительное.

* * *

К ужину леди Элспет спустилась в тёмно-лиловом бархатном платье, щедро украшенном ирландским кружевом и золотым шитьём. Безвкусыность полученного от лондонской портнихи туалета ничуть не поколебала её решимости его надеть. Злопыхатели утверждали, что вкус леди Элспет Понглтон мало чем отличается от

пристрастий старшей горничной из хорошего дома, но те, кто был благожелательно настроен по отношению к хозяйке Мэдлингтона, находили её манеру одеваться очаровательной и весьма оригинальной, хоть и несколько вычурной.

Леди Элспет предвкушала вечер, изобилующий забавными ситуациями, которые всегда случались, когда в Мэдлингтоне одновременно оказывались оба её сына с жёнами. Противостояние между братьями и взаимная неприязнь, которую никто из них не давал себе труда скрывать, являлись, как правило, причинами уморительных распрей, старательно замаскированных под светскую беседу. Порой леди Элспет даже заключала с горничной Анной пари, делая ставки и за неё, и за себя, на то, кто из сыновей одержит верх и какая из невесток первой вмешается в конфликт и разразится тирадой в защиту мужа. Причём если Присцилле пожилая леди симпатизировала, то надменную Викторию терпела с большим трудом, гадая, что сподобило Джорджа вступить с нею в брак.

Выбор младшего сына её тоже удивил. Бернадетта оказалась вовсе не такой, какой она себе представляла жену Монти. Монти – безрассудного до глупости, безудержно стремившегося к плотским удовольствиям и развлечениям сомнительного характера. Погибнуть в расцвете лет и даже после смерти оказаться замешанным в грязных делишках – это было так похоже на него, что не вызывало особенного удивления ни у кого из тех, кто хорошо его знал. Удивительным казалось другое: как такая милая (и, скорее всего, набожная, как большинство француженок, что бы о них ни говорили злые языки) женщина сумела прожить с Монти те несколько лет, необходимых для того, чтобы произвести на свет двоих очаровательных малышей. Мальчики вызвали у леди Элспет, отнюдь не отличающейся чадолюбием, искреннюю симпатию, и она мельком подумала, что неплохо бы поучаствовать в их судьбе.

С этими мыслями она вошла в гостиную и сразу попала в эпицентр назревающего скандала. Насупленный Джордж, стоя у кресла, в котором сидела Виктория, с нескрываемым презрением смотрел на

Седрика, который, по обыкновению, напустил на себя равнодушный вид. Это так походило на их детские стычки, когда братья то и дело вздорили по любому поводу, что леди Элспет чуть не рассмеялась, настолько нелепо это выглядело сейчас, когда оба превратились во взрослых мужчин.

Присцилла, делая вид, что не происходит ничего особенного, изо всех сил пыталась придать беседе непринуждённый характер, вовлекая в разговор и Оливию Адамсон, державшуюся особняком, и притихшую Бернадетту, которая явно чувствовала себя не в своей тарелке и сидела в углу, у камина, сжав маленькие ладони в замок и уложив их на колени, обтянутые вдовьим платьем из дешёвого чёрного крепа. С прямой спиной, испуганно округлив тёмные глаза, она молча следила за происходящим, и весь её вид говорил о том, что она чувствует себя лишней в роскошной гостиной старого замка, среди всех этих чужих сердитых людей, занятых своими давними распрями и не обращающими на неё внимания.

Леди Элспет, хорошо помня, каково это – быть в семье чужачкой и не иметь рядом никого, кто отнёсся бы к тебе с теплотой и заботой, – порывисто подошла к вдове младшего сына и радушно ей улыбнулась.

– Полагаю, решение покинуть Францию и отправиться на родину мужа далось вам нелегко, – заметила она негромко, усаживаясь напротив Бернадетты, поближе к огню. В гостиной было промозгло, несмотря на летнюю пору, и Хигнетт распорядился затопить камин, чему леди Элспет, которая терпеть не могла сырость, пропитавшую стены старого замка насквозь, была несказанно рада. – Это очень смелый поступок с вашей стороны, дорогая Берни. Вы ведь не возражаете, если я буду называть вас Берни? Тут, в Мэдлингтоне, мы предпочитаем обходиться друг с другом по-родственному, без особых церемоний.

Молодая женщина кивнула, робкая благодарная улыбка озарила маленькое смуглое лицо с по-детски округлым подбородком. Она

подалась вперёд, намереваясь что-то сказать, но тут послышался раздражённый возглас Джорджа:

– Это всё патерналистские банальности, Седрик, и ничего более! И где ты нахватался подобного, ума не приложу? Если бы ты поменьше якшался с фабричными бездельниками, устраивающими всякий раз шторм в чайной чашке, и дал себе труд послушать умных людей, то не нёс бы сейчас полную чушь с таким видом, словно ты сам несколько лет подряд не выходил из шахты. Правительство и так идёт навстречу каждому требованию бастующих, из-за этого лондонские верфи простаивают, фабрики не работают в полную силу, экономика страны летит в пропасть, а ты и подобные тебе продолжаете скулить об угнетении рабочего класса и его праве на образование, жильё, медицину и чёрт знает что ещё!

Братья стояли друг напротив друга, лица их были искажены взаимной неприязнью, а Виктория, явно будучи третьей и заинтересованной стороной в споре, с холодным прищуром поглядывала на них, но пока предпочитала не вмешиваться. Зная, как надолго может испортить всем настроение размолвка между братьями, леди Элспет встала, чтобы предотвратить скандал в зародыше, но тут вошёл Хигнетт, деликатно откашлялся и объявил, что ужин подан.

Дальнейшие события лишь подтвердили её худшие опасения – Джордж и Седрик превратили обеденный зал в поле битвы. Ничего забавного в их перепалке на сей раз не было, и за тем концом стола, где сидели братья и монументальная Виктория, установилась грозная атмосфера. Джордж, судя по всему, находился в ударе – войска его красноречивых доводов уверенно теснили аргументы противника и сулили ему поражение. Когда на столе появилась вторая перемена блюд (костлявые подгоревшие перепёлки и морковное пюре), Седрик уже был готов сдаться и начал посылать супруге взгляды, полные беспомощной ярости. Однако Присцилла этих сигналов не видела и возможности выручить мужа тоже не имела – внимание её целиком поглотили две вещи: на редкость

утомительный рассказ Оскара Финча о том, как ему однажды пришлось под проливным дождём спасти из горного ручья стадо овец, и тщетная борьба с дичью в своей тарелке, которая упорно не желала превращаться в чей бы то ни было ужин. Оливия и Бернадетта, храня молчание, настороженно наблюдали за всей этой неразберихой, почти не участвуя в общей беседе, и на лицах девушек застыло до странности одинаковое тоскливое выражение, будто обе они в этот момент готовы были многое отдать, лишь бы оказаться в другом месте, подальше от нежующихся перепёлок и обеденного зала поместья Мэдлингтон.

К тому моменту, когда дворецкий торжественно водрузил на стол серебряное блюдо с печёным ревенём, у леди Элспет нешуточно разболелась голова. За те несколько лет, что миновали с гибели лорда Понглтона, она привыкла к уединённой тихой жизни и теперь вся эта бесконечная суеда и раздоры, что сопровождали прибытие гостей, вызывали у неё лишь досаду. «А ведь всего через полгода с небольшим Рождество!» – некстати подумалось ей, и она тоскливо вздохнула. – «Даже и не знаю, как я это выдержу. Можно, конечно, сказаться больной, а потом...»

– Да что ты знаешь о лишениях?! Что ты знаешь, чтобы рассуждать об этом? – Джордж всё-таки вынудил Седрика выйти из себя, и тот вскочил на ноги, побагровев от возмущения.

Выглядел он настолько комично (прямо как в детстве, когда братья непрестанно ссорились) – редкие волосы растрепались, глаза вытаращены, руки беспомощно сжимают салфетку, – что леди Элспет не удержалась от смешка. Её тихий смех не остался незамеченным – Седрик уставился на мать полубезумным взглядом, а потом молча придвинул стул, сел и дрожащей рукой пригладил волосы, делая вид, будто не придаёт произошедшей размолвке никакого значения, что, впрочем, не смогло никого обмануть.

Глава шестая, в которой Джордж Понглтон с превеликим трудом сохраняет спокойствие, а Оливия, сама того не желая, становится двойным агентом

Леди Элспет знала, о чём говорила – на следующий день с самого утра в поместье закипела работа. На большой лужайке перед домом приглашённые из Скиптона плотники возводили высокий помост, на котором должны были проходить состязания, выступления местных артистов и вручение призов ежегодной сельской лотереи. Среди плотников то и дело мелькала тощая фигура Седрика Понглтона в заляпанном краской пиджаке, который посчитал необходимым своё участие в коллективной работе, хотя соответствующих навыков не имел и вносил в общее дело больше ненужной суеты, чем практической пользы.

Оскар Финч и Джордж, на время оставив взаимную неприязнь, уединились в кабинете покойного лорда Понглтона, чтобы начертить схему расположения торговых павильонов и благотворительных киосков, а Виктория и леди Элспет приняли на себя командование целой армией кухонных девушек и деревенских матрон, прибывших в помощь кухарке. Огромная кухня Мэдлингтона была заставлена трёхфунтовыми банками с домашним повидлом, ящиками с цукатами, коринкой и специями, корзинами с яйцами и джутовыми мешками с тростниковым сахаром и мукой. Все эти припасы до субботы надлежало превратить в сотни шафранных кексов, пышных пирогов с патокой, рассыпчатого йоркширского печенья, нежнейших пирожных, покрытых ломкой сахарной глазурью, булочек с помадкой и чайных лепёшек.

Спустившись к завтраку, Оливия застала в столовой только Присциллу и Бернадетту, которые уже заканчивали пить чай и торопились приступить к раскройке огромных полотнищ ткани, необходимых для оформления шатров.

Хигнетт, уже собиравшийся дать распоряжение Анне уносить остатки завтрака, с неудовольствием покосился на новую компаньонку хозяйки и замер в не слишком почтительной позе. Оливия с извиняющейся улыбкой положила на тарелку пару ломтиков пережаренного бекона, горстку консервированной фасоли и немного серого омлета, и отошла к столу, чувствуя спиной неодобрительный взгляд дворецкого.

На вкус еда оказалась даже хуже, чем на вид. Омлет был до того пересолен, что вызывал слёзы. Фасоль в кислом томатном соусе растеклась по тарелке неаппетитной кляксой. Девушка с трудом отрезала и прожевала кусочек резинового бекона в застывших каплях жира и, отодвинув тарелку, решила больше судьбу не испытывать.

– Всё дело в том, что кухарка миссис Вайсли – очень чувствительная натура, – склонившись к Оливии, прошептала Присцилла. – Она всегда нервничает, когда в Мэдлингтон съезжаются гости, и у неё всё начинает валиться из рук. Поэтому мы с Седриком собираемся наведаться в трактир «Роза и корона», где во время ланча подают запечённый кроличий паштет. Будем рады, мисс Адамсон, если вы к нам присоединитесь.

– С удовольствием! – благодарно просияла Оливия, воодушевлённая перспективой избежать очередной пытки печёным ревенём.

Однако до ланча ещё предстояло немало дел. Июньский праздник, пожалуй, был самым масштабным и долгожданным событием в жизни Фроингема. Каждый год его посещали все деревенские жители из числа тех, кто имел возможность оставить хозяйство на попечение наёмных работников или старших сыновей. Торговцы запирали лавки на целый день, и никому из местных и в голову бы

не пришло отправиться в это время за покупками. Хватало и приезжих – из Лидса, Скарборо, Пикеринга и других окрестных городов. Владельцы двух деревенских гостиниц, в обычное время яростно конкурирующие друг с другом, впервые с начала года оставались удовлетворены выручкой – уже к четвергу ни в одной из них не было свободных комнат, – и даже позволяли себе выпить по дружеской пинте в пабе Уиллиса.

Не оставалась внакладе и хозяйка трактира «Роза и корона», тучная и одышливая миссис Тимпани. Она устанавливала самый большой шатёр и нанимала дополнительных работников, бесперебойно обеспечивая всех желающих свежим портером и магнетом, слава о котором распространялась далеко за пределы Йоркшира. Как правило, из шести дюжин бочонков уже к полудню половина пустела, а необъятная кожаная сумка миссис Тимпани, висевшая у неё на боку, наполнялась бренчащей медью и превращалась в тяжкую ношу.

Это был единственный день в году, когда во Фроингеме привечали фокусников, гипнотизёров, хиромантов, комедиантов, пожирателей огня и тому подобный сброд, в другое время года не встречавший в деревне радушного приёма. За несколько лет до несчастного случая, повлёкшего смерть старого лорда Понглтона, участие в празднике даже разрешили проезжающему мимо табору цыган (которых местные жители по старой памяти называли глинярями), пленившись их уверениями о невероятных чудесах, от которых захватывает дух и которые скрываются в невзрачном на вид шатре из выцветшей на солнце парусины. Единственным, у когохватило дух от явленных цыганами чудес, был почтмейстер, чья юная Джейн – единственная дочка, отрада очей и надежда старости, – сбежала с сыном цыганского барона, очарованная то ли его рассказами о прелестях кочевой жизни, то ли мужественным подбородком и расшитой монетами жилеткой, сверкавшей на солнце, как рыцарская кольчуга.

Тюки с тканями оказались огромными. Распаковать их стоило немалого труда, но, когда на ковёр в гостиной хлынули потоки алого

шёлка, женщины восхищённо прищёлкнули языками.

– Да здесь сотни ярдов, не иначе! – Бернадетта, зажмурившись, ласкала гладкую ткань, прохладную, как вода в ручье. – Это же стоит целое состояние!

– Да, в скупости леди Элспет обвинить сложно, – суховато заметила Присцилла и погладила алый шёлк. – Здесь, в Мэдли, для июньского праздника ничего не жалеют.

– Зато вы только представьте, как роскошно будут выглядеть шатры и киоски, украшенные алым шёлком. Они будут сверкать на солнце словно рубины! Нет, словно капли крови на зелёном бархате лужайки! – Бернадетта вскочила на ноги и набросила конец полотнища на плечи, а потом буквально парой движений окутала себя шёлком и предстала перед остальными в новом образе – яркой, обворожительной женщины в потрясающем алом платье, струившемся вокруг её тела и оттенявшим и тёмные кудри, и искрящиеся восторгом карие глаза.

Оливия сравнение посчитала несколько надуманным, но она не могла не признать – Бернадетта Понглтон, которая ни за вчерашний вечер, ни во время завтрака и десяти слов не произнесла, совершенно преобразилась. Скрыв под алым шёлком свой вдовый наряд, она стала выглядеть другим человеком, и теперь казалось, что траурное платье – часть маскарада, не более. Следуя её примеру, Оливия и Присцилла тоже попытались изобразить из себя чаровниц в алых одеждах, но не сумели как следует задрапировать скользкий шёлк и больше напоминали небрежно спелёнутых египетских мумий.

В таком виде их и застала леди Элспет, сбежавшая из кухни и изрядно утомлённая властными манерами Виктории, установившей там свою диктатуру. Оценив сценку, напоминающую живые картины – излюбленное дамское развлечение времён её молодости – она пришла в восторг, а потом пожаловалась, оглянувшись на открытую дверь и понизив голос до шёпота: – Вы и не представляете, что себе позволяет эта женщина! Боюсь, миссис Вайсли держится только

благодаря хересу, который прячет от Хигнетта в кофейном шкафчике. Однако надо отдать ей должное, Виктория в таких делах просто незаменима. У меня от подобных вещей голова кругом идёт, а для неё хлопоты – что вода для рыбы.

Выговорившись, она опустилась на колени и провела по гладкому шёлку рукой.

– Шёлк и правда великолепный. У вас превосходный вкус, леди Элспет, – робко сказала Бернадетта. – Но разве это не слишком дорого? Я имею в виду, для *fête champêtre*^[5]? – и она смешалась под взглядами остальных женщин, осознав, что допустила непростительную оплошность.

Леди Элспет рассмеялась, но в смехе её чувствовалась горечь.

– То, что приносит радость, не может быть чересчур дорогим. Вы согласны со мной? Жизнь так коротка. Чуть отвлечёшься, и уже миновали годы. Вы вспомните мои слова, Берни, когда ваши малыши превратятся сначала в юношей, а потом и во взрослых мужчин. Эта перемена будет означать, что лучшие годы прошли, а вы этого даже не заметили. Поэтому жалеть о расходах не годится! – и она бесшабашно встряхнула головой. – Хотя, конечно, у бедняги Джорджа случится несварение, когда он это увидит.

* * *

Джорджу Понглтону и без несварения хватило в это утро страданий. Оскару Финчу пришлось в срочном порядке уехать на ферму Скерта, чей лучший бык-производитель повредил ногу, и потому все счета за доставленные из Шеффилда товары направляли старшему из братьев.

У Джорджа в буквальном смысле похолодели руки и выступила испарина, когда он произвёл подсчёты и сообразил, что на подготовку к празднику потрачено уже более трёхсот фунтов. Он не принимал во внимание тот факт, что порой несколько больших

приёмов на Сент-Джеймс-стрит обходились им с Викторией в ту же сумму, так как никогда не вникал в хозяйственные расходы, оставляя этот труд жене. Однако транжирство матери приводило его в исступление, ведь деньги, которыми она распоряжалась согласно завещанию старого лорда, он считал своими по праву.

Внутри у него всё кипело от возмущения. Он выглянул в окно малой гостиной и какое-то время бездумно наблюдал за рабочими, отмечая про себя, что трудятся они явно спустя рукава, небрежно и крайне медлительно.

Время близилось к ланчу, и Джордж, надев пиджак и спрятав очки в тонкой золотой оправе в кожаный футляр, схватил кипу счетов и отправился на поиски Виктории. В коридоре, сумрачном и тихом, он чуть не запнулся о лежащего на полу ребёнка, с интересом изучающего многочисленный муравьиный отряд, марширующий вдоль стены. Первым его порывом было прикрикнуть на мальчишку, а потом сделать дворецкому выговор за то, что по дому шатаются дети прислуги, но тут же его охватило запоздалое раскаяние. Монти!.. Точно, это же сын проходимца Монти. Сколько же лет он не видел брата?.. И в итоге они так и не успели примириться. Ссора, тяжким грузом осевшая на его совести. Терзаемый застарелым чувством вины, Джордж наклонился к мальчику и хотел приласкать его, но испуганный ребёнок, понимая, что нарушил запрет матери и что его, вернее всего, накажут за это, мгновенно поднялся на ноги и, оглядываясь через плечо, припустил в сторону столовой. Джордж немного постоял, глядя ему вслед, а потом отправился на поиски Виктории.

В кухне, под лестницей, он обнаружил настоящее столпотворение. Здесь упоительно пахло ванилью и корицей, а от раскалённых печей, где выпекались пудинги и кексы для благотворительного базара, упругими волнами шёл жар. Разгорячённые лица женщин были угрюмы и сосредоточены – приготовление такого огромного количества выпечки требовало немало труда и на праздную болтовню не оставалось ни времени, ни сил. Виктории здесь не

было, и всем распорядилась раскрасневшаяся то ли от работы, то ли от изрядного количества хереса миссис Вайсли. Когда Джордж поднимался наверх, то снизу, из кухни, до него донёлся хриплый голос кухарки, затаившей «В зеленеющем уборе...».

Пройдя через террасу, Джордж вышел к лужайке, где плотники уже заканчивали устанавливать помост. Отирая со лба обильно струившийся пот и борясь с одышкой, он сложил ладонь козырьком и по-хозяйски оглядел лужайку, выискивая тех, кто явно отлынивал от честной работы. Седрика среди рабочих не было, но Джордж заметил его тощую фигуру в сопровождении Присцилы и новой компаньонки матери, этой долговязой девицы с наглыми манерами, на подъездной аллее. Троица удалялась в сторону деревни, и тучному Джорджу стоило немалых усилий догнать их.

– Я... мне нужно... поговорить с братом, – задыхаясь, произнёс он, поравнявшись с ними и бросая на Оливию, одетую в брюки, взгляд, полный неодобрения. – На пару минут... Седрик... буквально на пару минут.

Мужчины отошли чуть в сторону, и Джордж принялся с жаром что-то втолковывать брату, потрясая перед его лицом стопкой бумаг. Весь красный, с блестящей на солнце лысиной, он надвигался на Седрика, оттесняя того к каменной изгороди, увитой плющом, и добиваясь, чтобы брат признал его правоту. Оливия и Присцилла, не сговариваясь, с улыбкой переглянулись.

– Джордж порой бывает невыносим, – всё ещё улыбаясь, заметила Присцилла. – Он убеждён, что его мнение – единственно верное, и все должны следовать его указаниям. Поразительная самонадеянность.

«...требует расходов, говоришь?! Необходимые траты?! А двести ярдов первоклассного алого шёлка из универмага Бёрджесса, это как? Тоже необходимые траты, да? Хочешь узнать, в какую сумму нам это обошлось?..»

Джордж чуть не кричал, и его слова были полны такой едкой горечи и обиды, будто шёлк был куплен на его последние

сбережения и не сегодня завтра вместо сливочного масла ему придётся довольствоваться дешёвым маргарином.

Присцилла демонстративно зевнула, деликатно прикрыв рот ладошкой, и дружески подхватила Оливию под руку, увлекая её вперёд, к тисовой аллее, где разросшиеся деревья переплелись ветвями и обещали путникам прохладу.

– А Седрик с утра был в таком славном расположении духа, – с сожалением произнесла Присцилла. Нагнувшись и сорвав лесную маргаритку, она задумчиво пощипала тонкие лепестки и добавила: – Джордж действует на брата не лучшим образом. Он несдержан, он любит настоять на своём, и он не успокоится, пока не выведет Седрика из себя. И причиной всему, как вы, несомненно, догадываетесь, леди Элспет и её расточительность.

Оливии стало любопытно. Понятия не имея о том, насколько далеко должна простираться лояльность компаньонки, она всё же позволила себе прямой вопрос:

– И насколько расточительна леди Элспет, по-вашему? Это и правда такая большая проблема, как считает мистер Понглтон?

– Огромная! – кивнула Присцилла с озабоченностью. – Моя свекровь готова и луну купить, если та подойдёт к одной из её ужасных шляпок в качестве украшения. Да ещё этот Оскар Финч... Вы, мисс Адамсон, и не представляете себе, что здесь творилось на прошлое Рождество, когда леди Элспет при всех подарила молодому человеку, с которым, как говорят, она неразлучна в последнее время, новёхонький «моррис». Так что беспокойство Джорджа, надо признать, не лишено оснований. К тому же леди Элспет вовсе не так богата, чтобы позволять себе подобные вещи. Мэдлингтон пожирает массу средств, и ещё больше денег уходит на выплату налогов и поддержку арендаторов. Неизбежно наступит время, когда поместье придётся продать, и это вряд ли будет выгодной сделкой.

Разговор всё больше приобретал характер настоящей сплетни, и Оливия неосознанно отошла на шаг назад. Присцилла, в строгом коричневом платье без отделки, с прямой спиной и пышным узлом

золотисто-каштановых волос, стояла напротив неё и задумчиво вертела в руках наполовину ощипанный цветок. Солнечные лучи, проникая через сплетённые ветви, бросали медовые блики на её лицо, а игра колышущихся теней превращала платье, при ярком свете невзрачное, в наряд лесной королевы. Даже высокий белый воротничок с фестончатыми кружевами – единственное украшение, оживлявшее её туалет, – казался при таком освещении по-королевски роскошным.

– Вы, мисс Адамсон, верно, посчитали меня сплетницей, – спохватилась Присцилла. – Расскажите лучше о себе. Давно ли вы познакомились с леди Элспет? Моя свекровь обожает заводить новые знакомства, к этому у неё настоящий талант.

Переход от предыдущей темы был таким стремительным, что Оливия не успела подготовиться. Ей не хотелось ни лгать, ни рассказывать правду о просьбе леди Элспет. Положение спас Седрик Понглтон, который появился на аллее, полный негодования. Под сенью тисов его светлые глаза сверкали серебристым блеском, но, окинув Оливию быстрым взглядом, он замкнулся и только с вялым смешком вольно процитировал Теккеря:

– Воистину старший брат человека – его исконный враг^[6].

* * *

Кроличий паштет оказался весьма неплох, а свежий хлеб с хрустящей солодовой корочкой и ноздреватым, пышным мякишем, и того лучше – ну просто никакого сравнения с унылой и малосъедобной стряпнёй кухарки из Мэдлингтона.

В «Розе и короне» в этот час было так многолюдно, что даже в гостиной не было свободных мест, и спутницам Седрика, хоть это и было нарушением негласных правил, свято чтимых в деревенских питейных заведениях, пришлось спуститься вслед за ним в общий зал.

Здесь, внизу, ровный гул голосов нарушали только отдельные выкрики местных завсегдатаев и последующий за ними дружный смех. Айви с застывшим на лице смирением, мало чем отличавшимся от недовольства, раздавала с широкого подноса кружки с рыжеватым пивом. Одну из них, в полпинты, она поставила перед Оливией и уже было хотела выставить ещё по одной, для супругов Понглтон, но Присцилла строго отказалась и попросила для всех чайник чаю.

С досадливым вздохом Айви вернула кружку на поднос и понесла его дальше, а Оливия уловила устремлённый на неё жадный взгляд Седрика Понглтона. Тот быстро отвёл глаза и преувеличенно громким голосом принялся рассуждать о забастовке в шахтёрском городке на юге Англии, во время которой пострадали несколько человек. Вид его напомнил Оливии мистера Блейни, постояльца пансиона в Плимуте, где они с братом как-то провели долгую скучную зиму. Неизменно несчастное выражение лица, сырой, какой-то аптечный запах, который шёл от его одежды, влажные ладони и дрожь, мелкой рябью пробегавшая по телу – близнецы долгое время подозревали, что мистер Блейни страдает от тяжёлой болезни, пока хозяйка пансиона не поведала им неприглядную истину.

Помня советы и наставления леди Элспет, Оливия во время ланча старалась помалкивать, чтобы не дать Седрику возможность начать политические дебаты. Однако в беседах он и не нуждался. Торопливо и не слишком аккуратно поглощая хлеб с паштетом, роняя крошки на грудь и не замечая, что они сыплются в его чашку с чаем, Седрик, размахивая то ножом, то ложкой, обличал несправедливость и клеймил власть имущих. Заметив, что его речи привлекли внимание сидящих за соседним столиком подёнщиков с ферм, он бросил еду и стал говорить ещё громче, похожий в этом состоянии на ребёнка, который жаждет внимания взрослых.

Оливии ничего не оставалось, как брать пример с Присциллы, которая внешне казалась безучастной и никак не проявляла своего

отношения к выходкам мужа. Она мелкими глоточками отпивала чай и, казалось, привычно ждала дальнейшего развития событий. Между тем атмосфера в трактире начала накаляться. Голоса становились все громче, Седрик, не сказав своим спутницам ни слова (вряд ли он вообще помнил теперь об их присутствии) бесцеремонно пересел за большой стол, где отдыхали фермеры, и, называя всех и каждого «товарищ», завёл с ними оживлённую беседу. К столу начали подтягиваться остальные: кто из любопытства, а кто с искренним интересом (в последние дни газеты левого толка пестрели новостями о забастовках и падении цен на шерсть и молоко, и местные фермеры были взвинчены и напуганы этим).

Из-за поднявшейся суеты и думать было нечего о том, чтобы позвонить Филиппу и спокойно рассказать ему о событиях последних дней, и Оливия с досадой откинулась на стуле, дожидаясь, пока Присцилла допьёт чай и можно будет уйти из душной пивной. И тут, как это часто бывает, все голоса на миг смолкли, и в наступившей тишине Айви громко выкрикнула из-за стойки: «А вам, мисс, письмо с утренней почтой пришло! Закрутилась я совсем, вот и позабыла сразу отдать-то. Из Лондона! Важное, должно быть, послание. Вы ведь за ним пришли, правда?»

Все присутствующие, не сговариваясь, безошибочно нашли взглядом Оливию, и она чуть не поперхнулась остатками чая. Голубые, карие, серые – тайно выглядывающие из-под насупленных бровей и открыто, с простодушным любопытством разглядывающие незнакомку, поселившуюся в Мэдлингтоне, – десятки глаз следили за каждым её движением, и в этом ей на миг почудилась скрытая угроза. Однако уже через секунду, как в детской игре замри-отомри, всё вокруг пришло в движение и неестественную тишину вновь заполнили звуки голосов и звон пивных кружек.

Оливия сама подошла к стойке и получила у не в меру любопытной девицы, изучившей конверт вдоль и поперёк, письмо Филиппа и сдачу мелкими монетками. Присцилла уже ждала её на

крыльце, нисколько не обеспокоенная тем, что Седрик не собирается последовать за ними.

– Он догонит нас позже, – пояснила она безмятежно, поправляя воротничок платья и защёлкивая сумочку. – А мы пока прогуляемся и посекретничаем. Так вы, мисс Адамсон, из Лондона? Или у вас там имеется поклонник?..

К этому моменту Оливия уже поняла, что таинственность только раздувает любопытство её спутницы, поэтому, не вдаваясь в подробности, рассказала ей о брате-близнеце и случайном знакомстве с леди Элспет, умолчав лишь о просьбе своей нанимательницы.

– Это так похоже на мою свекровь, – рассмеялась Присцилла без всякого осуждения. – Но вы можете быть спокойны, я не раскрою ваш секрет, в противном случае Виктория с Джорджем проходу вам не дадут. Не хочу, чтобы вы пожалели о том, что приехали в Мэдли. Июнь – лучшая пора, когда можно наблюдать поместье во всём его великолепии.

Послеполуденное солнце сияло в вышине, голубеющее небо было чистейшим, радостным, и, когда они взошли на небольшой холм, отделяющий деревню от владений Понглтонов, перед ними возникла впечатляющая панорама – всё поместье, включая угрюмую громаду дома, ощетинившегося руинами крепостных стен и сторожевыми башнями, было словно на ладони. Внизу, на лужайке, продолжали возводить помосты для каруселей, и уже были готовы несколько чайных шатров, обтянутые лоснящимся на солнце шёлком. Мельтешение рабочих, дрожащие на ветру флажки и алые шатры, врытый в землю столб, предназначенный для развлечения деревенской детворы – гигантских шагов – всё это чем-то неуловимо напоминало подготовку к осаде, будто Мэдлингтон собиралась взять силой невидимая пока армия. Присцилла приложила ко лбу ладонь, защищая глаза от яркого солнца, и безмолвно, неподвижно стояла, вглядываясь в происходящее на лужайке, наслаждаясь суетой рабочих и позабыв о своей спутнице.

Оливия же с трудом сдерживала досаду – до того ей не терпелось скорее попасть в свою комнату и без помех прочесть письмо брата.

– Когда находишься там, внизу, то даже сложно вообразить, насколько же он огромен, – доверительным тоном произнесла Присцилла, – и лишь отсюда, с холма, можно верно оценить его красоту и величие. Признайтесь, мисс Адамсон, когда вы впервые увидели Мэдли, он поразил вас?

Оливия не нашлась, что ответить на это. Замок ей не нравился, ничего величественного она в нём не находила, а зубчатая крепостная стена, повторяющая очертаниями низкие холмы, превращала его в доисторического ящера, лежавшего на брюхе и выгнувшего бугристую спину. Каменный серый фасад, кое-где увитый плющом и рыжими плетями хмеля, лишь усиливал сходство, издалека похожий на неопрятную чешую.

Не желая кривить душой, Оливия выразилась дипломатично:

– Думаю, леди Элспет стоит больших усилий содержать его в порядке.

Присцилла звонко расхохоталась.

– Вы всерьёз так полагаете, мисс Адамсон? Да леди Элспет при всей своей любви сорить деньгами и пенни не потратит на то, чтобы вернуть поместью пристойный вид. Она никогда не была счастлива здесь, и её сложно в этом винить. Старый лорд был жесток и к ней, и к собственным детям – ко всем своим близким. Думаю, я недалеко от истины, если скажу, что леди Элспет наслаждается тем, как ветшает фамильное гнездо Понглтонов. Именно этого и не может ей простить Джордж, который, уж один бог знает почему, был искренне привязан к отцу. После его гибели он собирался вступить во владение поместьем, но тут его ждал неприятный сюрприз – старый лорд перед смертью изменил завещание, и хозяйкой Мэдлингтона стала моя свекровь.

– Джордж был не в восторге, я так думаю? – предположила Оливия.

– Да он пришёл в ярость! – зловещим шёпотом заверила её Присцилла, закатывая глаза. – Они с Викторией пошли на невысказанный шаг – заставили семейного доктора подписать бумагу, что старый лорд перед смертью не отдавал себе отчёт в своих действиях, и поэтому завещание не имеет силы. Правда, потом они отказались от этого плана. Джордж рвётся в парламент, а скандалы подобного рода не способствуют развитию политической карьеры.

Присцилла, рассказывая о неприятностях семьи Понглтон, оживилась, глаза её возбуждённо заблестели. Если не считать леди Элспет, в которой, несмотря на внешнее радушие, чувствовалась какая-то прохладца, Оливии Присцилла казалась самой симпатичной. Однако такое недвусмысленное смакование сплетен покорило её, и девушка попыталась изменить тему беседы.

– А отчего скончался лорд Артур Понглтон? – Оливия задала вопрос совершенно неосознанно, не успев подумать, насколько уместно это проявление любопытства с её стороны.

– Он упал с лошади. Доктор сказал, что виной всему удар. Его нога застряла в стремях, и какое-то время лошадь продолжала тащить его за собой. Обнаружил его Седрик, и вид отца произвёл на него просто ужасное впечатление. От лошади, конечно, сразу же избавились, на этом настоял Джордж. Вызвали из деревни ветеринара, Оскара Финча, и тот пристрелил ни в чём не повинное животное, – в голосе Присциллы слышалось нескрываемое презрение.

– Ужасная смерть, – сочувственно произнесла Оливия.

– И не говорите. Ума не приложу, как можно было недрогнувшей рукой убить здоровую лошадь.

* * *

Виктория Понглтон терпеть не могла летний зной. От ярких солнечных лучей её кожа покрывалась «фермерским» красноватым

загаром, а на лице проступали тёмно-коричневые пятна. Тем не менее чувство долга заставило её покинуть прохладный даже в июньскую жару дом и лично проследить за работой плотников, сооружающих второй помост.

Ни Джорджа, ни Седрика на лужайке не было, а от леди Элспет толковых действий ждать не приходилось, и Виктории пришлось самой разбираться с неотёсанными парнями из Скиптона, которые поленились работать на жаре и развернули строительство помоста прямо напротив заброшенной часовни. Разумеется, здесь работалось легче – часовня отбрасывала густую тень, а в ветвях разросшихся вокруг неё тисов и платанов рождался приятный ветерок. Хотя, будь парни местными, они ни за что не стали бы прохлаждаться в тени часовни Понглтонов и постарались бы держаться от неё подальше.

Издалека Виктория Понглтон представляла собой презабавное зрелище – в колониальном пробковом шлеме и мешковатом платье цвета хаки, туго перепоясанном на необъятной талии, она, заложив руки за спину, расхаживала туда-сюда вдоль недостроенного помоста и своим «специальным» тоном (предназначенным для общения с детьми и слугами) напоминала рабочим о необходимости строго придерживаться плана и не искать лёгких путей.

Парни растерянно смотрели на неё, побросав инструменты. Видно было, что им до смерти не хочется разбирать и переносить помост.

– О, наконец-то! – хищно обрадовалась Виктория, увидев Присциллу и Оливию. – Я полдня вас везде ищу. Не понимаю, куда все запропастились, и почему я одна должна за всем следить. Вы только посмотрите, что эти бездельники придумали! И ведь ни в какую не хотят... Джордж! Джордж, скорее иди сюда! – Виктория, заметив мужа, замахала руками, чтобы привлечь его внимание, и от трубных звуков её голоса Присцилла поморщилась.

Оливия с сочувствием посмотрела на парней, до которых начало доходить, что помост переносить всё же придётся, и впереди их ждут несколько часов работы на солнцепёке.

– Вот, посмотри! – торжественно провозгласила Виктория и изящным движением руки окинула недостроенный помост, приглашая супруга любоваться вопиющим нахальством рабочих. – Как тебе это? На твоём месте я бы непременно поговорила с их главным, пусть примет меры.

Джордж с готовностью развернул схему расположения всех шатров и палаток, с которой не расставался с самого утра, и принялся что-то тихо и крайне занудно бубнить, время от времени повышая голос и без особой надежды взывая к разуму рабочих: «Вам ведь это понятно, правда? Ничего сложного, если разобраться, верно ведь?»

Присцилла и Оливия, радуясь, что Виктория нашла союзника, принялись потихоньку, по одному шагу, отступать в сторону дома. После сытного ланча и прогулки обеих манила прохлада каменных стен. Присцилла взяла Оливию под руку, будто они были старинными подругами, и прошептала:

– Вам не кажется, что Виктория трубит как слон? Мне даже жаль этих несчастных, они с Джорджем долго теперь от них не отстанут! – и она заразительно рассмеялась.

– А что страшного, если помост для вручения наград и правда будет стоять здесь? Тут же намного прохладнее, чем на лужайке, – и Оливия пожала плечами, не понимая, из-за чего столько споров. – И от дождя, если с погодой не повезёт, будет где укрыться.

Присцилла быстро взглянула на неё, чуть сдвинув брови.

– Не думаю, что и в самом деле найдутся охотники укрыться от дождя в часовне Понглтонов. Среди деревенских таких смельчаков точно не найдётся.

Прозвучало это загадочно, но узнать, что имеется в виду, Оливия не успела. Позади раздался густой бас Виктории: «Мисс Адамсон! Мисс Адамсон, постойте-ка! Вы мне нужны!»

Оливия нехотя остановилась, и, не поворачиваясь назад, жалобно посмотрела на Присциллу. Та с непроницаемым выражением лица успела шепнуть ей: «Я передам леди Элспет, что вы храбро

сражались, но силы противника многократно превосходили», – и стремительно, чуть ли не бегом, направилась к дому.

Медленно, с обречённым чувством Оливия обернулась. Виктория размашистой, почти мужской походкой спешила к ней по тропинке, которую обрамляли дикие маки и синие дельфиниумы. Лицо её скрывал пробковый шлем с низким козырьком, грузное тело колыхалось под тонкой тканью платья. Оливия посмотрела вверх, чтобы не видеть приближавшуюся к ней фигуру – в белёсом расплавленном небе прямо над ней завис коршун, высматривающий добычу.

– Как же я рада, мисс Адамсон, что мы с вами наконец-то можем познакомиться поближе и немного поболтать! – заявила Виктория таким ликующе-плотоядным тоном, будто их с Оливией встреча состоялась после долгой разлуки и была для обеих истинным подарком судьбы. – Я ещё вчера подумала, что мы с вами непременно подружимся.

Стычка с плотниками явно привела её в боевое настроение.

– Ну, что скажете, мисс Адамсон? Будем друзьями? – теперь Виктория стояла так близко, что Оливия ощущала на лице и шее её горячее дыхание.

– Конечно, миссис Понглтон, – несколько принуждённо произнесла она, словно находилась перед строгой учительницей, требующей послушания. Настойчивость Виктории и её диктаторские манеры всколыхнули воспоминания о школе Святой Урсулы, в которой она провела девять долгих лет, и Оливия тут же сама на себя разозлилась. Сделав шаг назад и в сторону, она медленно двинулась по направлению к дому, и Виктории не оставалось ничего другого, как последовать за ней.

– Мы с Джорджем так рады, что теперь будет кому присматривать за нашей дорогой леди Элспет, – предприняла Виктория новую попытку, искоса поглядывая на спутницу, и вкрадчивые эти взгляды вызвали у Оливии ещё большую досаду. – Она уже немолода, и живёт совсем одна в таком огромном доме. Ей требуется, чтобы

рядом находился кто-то здравомыслящий. Кто-то, кто бы оберегал её от необдуманных поступков, к которым она имеет неприятную склонность. Надеюсь, вы меня понимаете, мисс Адамсон?

– Признаться, не слишком, миссис Понглтон. Леди Элспет производит на меня впечатление на редкость бодрой и практичной особы.

Ноздри Виктории раздулись, из груди вырвался шумный вздох. Как же выводят из равновесия эти самонадеянные пустоголовые девицы, подумалось ей. Им лишь бы всё делать и говорить поперёк.

– Вы, мисс Адамсон, как я вижу, пока не до конца понимаете смысл обязанностей компаньонки. У кого вы служили прежде?

– Я... Это моё первое место, – замялась Оливия.

Виктория приподняла одну бровь и, уже не скрывая своих намерений за медоточивыми речами, перешла в наступление:

– Я скажу как есть, мисс Адамсон. Моя свекровь – парвеню, если вы этого ещё не знали, и, строго говоря, леди она только благодаря замужеству, а её происхождение оставляет желать лучшего. Семейные ценности и традиции для неё всегда были пустым звуком. Не успели лорда Артура Понглтона похоронить, а в поместье уже всё пошло под откос. Вся прислуга уволена, а ведь некоторые из них работали в Мэдлингтоне десятилетиями. И этот наглый лакей в должности дворецкого! Сегодня я застала его любезничающим с французской вдовой Монти, и та, как мне показалось, особенно против этого не возражала. Я, разумеется, объяснила ей, как в Англии ведут себя достойные женщины, но что будет завтра? Что будет завтра, я вас спрашиваю?! Дворецкий женится на ней и будет воспитывать внуков лорда? – Виктория содрогнулась от подобной перспективы и решительно преградила Оливии путь. Настойчиво взглядываясь в её лицо, она с нажимом продолжила: – Дом приходит всё в большее запустение, на его восстановление понадобится целое состояние. Леди Элспет окружила себя молодыми людьми сомнительного рода занятий, дарит им дорогие автомобили, что порождает массу слухов. А недавно Джорджу сообщили, что видели

её в Скарборо, и вы ни за что не угадаете, чем она там занималась, – Виктория выдержала паузу, но так как Оливия не высказывала никаких предположений, то продолжила всё тем же траурным тоном, как если бы зачитывала список непростительных прегрешений: – Она посещала ипподром, мисс Адамсон. Да-да, вы не ослышались. Леди Элспет делает ставки на бегах. Представляете?! Говорю вам, от неё можно ожидать любых сюрпризов, вот мы с мужем и волнуемся. Согласитесь, такое поведение для дамы её возраста выглядит несколько неестественным, если не сказать больше.

– Что вы имеете в виду, миссис Понглтон? Вы намекаете, что леди Элспет не в себе?

Викторию покорила такая вульгарная формулировка, но в душе она была благодарна, что ей не пришлось произносить этого самой. Её лицо снова приняло благодушное выражение, и она, лицемерно вздохнув, посетовала:

– Никого из нас, мисс Адамсон, не минует ни старость, ни немощность. Мы должны относиться к этому с пониманием и оберегать своих близких, порой даже от них самих. Вы и представить себе не можете, как Джордж переживает о матери. Она так много значит для него, – Виктория умолкла, давая Оливии возможность высказаться, но та молчала и холодно смотрела на неё.

– Будет просто замечательно, мисс Адамсон, если мы с вами объединим усилия, – с наигранной лёгкостью продолжила Виктория. – Например, вы можете один или, предположим, два раза в неделю писать нам с Джорджем. Ну, чтобы мы были осведомлены о планах леди Элспет и её душевном состоянии. Маленькие весточки, ничего более. Думаю, это будет для вас не слишком необременительно, правда ведь? Свободного времени у вас, как я вижу, предостаточно, – сухо вато закончила она и тут же, понизив голос, добавила: – И будьте уверены, я не забываю дружеских услуг, оказанных мне и моей семье. И Джордж, мой супруг, весьма, уверяю вас, весьма щедр, если дело касается благополучия его родных.

Рослая и широкоплечая, Виктория стояла прямо перед Оливией, загораживая ей путь, и смотрела на неё в ожидании ответа молча, без улыбки. Её тень, падающая на дорожку, была так велика, что поглощала всё видимое пространство, а в вышине в поисках добычи продолжал неумолимо сужать круги коршун.

Как ни хотелось Оливии сбить спесь с Виктории Понглтон, считающей всех людей вокруг себя пешками в своей игре, но здравый смысл возобладал над эмоциями.

– Думаю, что я смогу выкроить время на пару писем, миссис Понглтон, – произнесла она ровным, даже слегка скучающим тоном, чтобы скрыть свои истинные чувства. – Мне понятна ваша обеспокоенность, и, признаться, я нахожу её не лишённой оснований.

Виктория тут же расплылась в довольной улыбке. «Крокодил, словавший антилопу», – с неприязнью подумала Оливия.

– Как я счастлива, мисс Адамсон, что мы с вами подружились! – тон её вновь стал приторно-любезным. – Теперь я буду спокойна и за Джорджа, и за мою дорогую свекровь. Будет излишним упоминать, что леди Элспет ни к чему знать о нашей маленькой беседе, вы согласны со мной? Люди в её возрасте зачастую превратно понимают родственную заботу, – и Виктория многозначительно улыбнулась.

Она посторонилась, открывая путь к дому, и Оливия, торопясь убраться подальше от неё, пошла вперёд, ощущая тяжёлый неодобрительный взгляд, сверлящий её спину.

Виктория была довольна собой. До праздника ещё целых два дня, а почти все дела улажены. Ушлая девица сразу поняла свою выгоду и дала согласие, не раздумывая, даже уговаривать не пришлось. Все они одинаковы – только и ждут, когда им выпадет шанс поживиться. Ладно, эта хотя бы не строит Джорджу глазки, и на том спасибо. С такими мыслями Виктория отправилась на поиски мужа, чтобы сообщить ему приятное известие и проверить, перенесли ли

рабочие помост подальше от часовни. В глубине души она была невероятно суеверна.

Глава седьмая, в которой Оливия узнаёт о семье Понглтон больше, чем когда-либо хотела, и вступает в тайный сговор с леди Элспет

Оливия поспешно преодолела высокие ступени и вошла под своды Мэдлингтона. Массивная дверь затворилась за ней совершенно бесшумно. Она постояла, наслаждаясь прохладой, которую хранили мраморные плиты с потускневшим рисунком. Когда-то они изображали сцены королевской охоты, но за прошедшие с того времени столетия по мрамору сотни тысяч раз пробежали слуги, на чьих плечах лежали заботы о порядке в доме или чинно прошествовали величавые лорды и леди Понглтон и их многочисленные отпрыски, и теперь невозможно было разглядеть ни гончих псов, рвущихся вслед за лисицей или оленем, ни кавалькаду королевской свиты в красных куртках, трубящих в охотничьи рожки.

О былом великолепии напоминала лишь скульптура, изображающая Геракла в тот момент, когда он поражал копьём эриманфского вепря. Дикое животное вид имело самый устрашающий, но и герой древнегреческих мифов выглядел не столько мужественно, сколько пугающе: тёмный провал рта, лицо, искажённое горячей смертельной схватки.

Оливия подошла ближе, прижалась лбом к прохладному мраморному боку эриманфской бестии. После беседы с Викторией она не могла избавиться от чувства, будто угодила под колёса молочного фургона. Что она вообще здесь делает? Как очутилась среди этих неприятных и не слишком-то дружелюбно настроенных людей?

За спиной раздались деликатные шаги, а потом покашливание. Оливия отпрянула от скульптуры и резко обернулась. Ничего не

выражающие глаза Хигнетта скользнули по ней, и он, откашлявшись ещё раз, медленно и манерно произнёс:

– Леди Элспет искала вас, мисс Адамсон. Она ожидает в гостиной. Я распорядился, чтобы Анна принесла туда прохладительное.

Дворецкий выжидающе смотрел на неё, и Оливии не оставалось ничего иного, как отправиться в гостиную, хотя она с удовольствием бы провела ещё какое-то время в прохладной тишине холла. По пути она раздумывала, говорить ли леди Элспет о том, какое грязное предложение она получила от Виктории Понглтон, и так, погружившись в собственные мысли, не замечая никого вокруг, налетела на Присциллу, которая выходила из своей комнаты. Двигалась она как-то странно, боком, держа на весу вытянутые руки и не прикасаясь к дверной ручке.

От неожиданного столкновения обе женщины на мгновение опешили, и Оливия сочла необходимым принести извинения.

– Всё в порядке, мисс Адамсон, – прервала её Присцилла и, сокрушаясь, пояснила: – Я писала письма и опрокинула на стол чернильницу. Так неловко с моей стороны! А как вы сумели так быстро ускользнуть от Виктории? Наверное, предпочли пообещать ей всё что угодно, лишь бы поскорее сбежать?

– Но откуда вы?..

– О, я просто хорошо знаю Викторию, мисс Адамсон, – Присцилла добродушно рассмеялась. – Но мой вам совет: лучше держитесь от неё подальше. Виктория злопамятна и терпелива. Опасное сочетание, как мне кажется, – понизив голос, добавила она и направилась к лестнице для прислуги, ведущей в кухню.

В гостиной Оливия застала идиллическую картину. Леди Элспет сидела у окна, выходящего в тенистый сад, и, обмахиваясь старомодным кружевным веером, слушала, как старший из её внуков старательно, хоть и не слишком уверенно, читает вслух Святое Писание. На лице пожилой дамы застыло тщательно скрываемое скучающее выражение. Бернадетта же следила за сыном с ни на миг неослабевающим вниманием, губы ее

непроизвольно шевелились, будто она проговаривала про себя каждое слово, прежде чем оно должно было слететь с губ ребёнка. Выглядела она заплаканной и хмурой, тонкие пальцы от волнения комкали батистовый платок.

Увидев Оливию, леди Элспет оживилась и на один короткий миг прикрыла глаза (что одинаково можно было принять и за приветствие, и за тайный крик о помощи), а потом заработала веером с удвоенной силой.

– Хигнетт передал, что вы хотели меня видеть, мэм, – воспользовалась Оливия паузой, пока мальчик перелистывал страницу.

– О да, мисс Адамсон! И по очень срочному вопросу! Дело не терпит отлагательства! Вы должны составить пару писем для моего поверенного и отправить их тотчас же, – леди Элспет поспешно поднялась из кресла и с гримасой сожаления обратилась к невестке: – Вынуждена покинуть вас, дорогая Берни. Дела не ждут.

Проходя мимо мальчика, она приласкала ребёнка и одарила его похвалой, но облегчение скрыть не сумела.

– Письма для поверенного? Но мне никогда не доводилось... – Оливия едва поспевала за хозяйкой Мэдлингтона.

Пожилая дама торопливо двигалась по коридору, подхватив пышные юбки, и девушке пришлось буквально бежать за ней.

– Ох, да не кричите вы так, – с досадой прошипела леди Элспет, обернувшись. – Не придётся вам составлять никаких писем, мне просто был нужен предлог, чтобы покинуть гостиную. Я уже дала Броттигену все необходимые распоряжения. Безусловно, Берни очень мила, да и дети просто чудо – удивительно, если знать, каков был их отец в этом возрасте! – но если что я и не переносу, так это... Скорее, сюда! – и леди Элспет толкнула неприметную дверь, – да быстрее же, что вы медлите?!

Перед тем как войти, Оливия обернулась и в самой глубине коридора увидела фигуру в чёрном. Леди Элспет решительно заперла дверь и шёпотом пожаловалась:

– Мне начинает казаться, что Берни и не думает уезжать отсюда. Сегодня она предложила мне помощь в обновлении осеннего гардероба. Осеннего, мисс Адамсон! – она в ужасе округлила глаза. – И она ходит за мной по пятам – в какой бы части поместья я ни укрылась, она настигает меня и заводит разговор о несчастном Монти. Судя по всему, она питала к нему сильные чувства и так и не оправилась от потери. Но не может ведь супруга скорбеть больше матери, правда? Это даже как-то неприлично, так выпячивать своё горе, – чопорно заключила она.

Оливии подумалось, что сама леди Элспет в этом отношении демонстрирует просто образцовую сдержанность. Пожилая дама отошла на цыпочках от двери и со вздохом произнесла:

– Я поступила так, как мне подсказывали и сердце, и совесть. Монти оставил жену и детей без гроша за душой – им просто некуда податься. И если я не приму меры, то они обоснуются в Мэдлингтоне навечно. Конечно, Джорджу будет нелегко с этим смириться, – и глаза леди Элспет злорадно блеснули в полумраке, – но я включила Бернадетту в завещание, а пока назначила ей небольшую ренту, чтобы она могла найти себе и детям пристойное жильё.

– Это очень щедро с вашей стороны, – искренне сказала Оливия. – А Джордж уже слышал об этом?

– Ещё чего не хватало! А то я не знаю, что он мне на это скажет! – леди Элспет рывком отдернула портьеры, и в комнату, будто не сдерживаемая ничем вода, хлынул свет, в котором долго ещё плясали мерцающие пылинки.

Оливия осмотрелась – все стены сплошь были заняты картинами. Солнечные лучи заскользили по золочёным рамам, высветили нежно-розовые лица представителей славного рода Понглтонов. Стараниями леди Элспет пала ещё одна пыльная преграда – и комнату, и обширный стол, заставленный фотографиями на небольших постаментах, вновь омыло светом.

– Артур называл это место Комнатой Памяти, – задумчиво произнесла она. – Последний раз я заходила сюда, когда Монти ещё

был жив.

Леди Элспет взяла в руки фотографию, на которой был изображён рослый юноша в щегольском костюме – широкоплечий, с пышными усами, он стоял в непринуждённой позе, закинув на плечо крикетную битку, а за его спиной виднелись цветущие кусты жимолости и чугунная садовая скамейка. Монтгомери Понглтон был хорош собой, вот только его портила неприятная усмешка, застывшая на полных губах, и взгляд с прищуром, словно он вот-вот собирается отпустить непристойную шутку и не просто рассчитывает, а прямо-таки предвкушает всеобщее последующее неодобрение.

– Это единственная фотография, которую Артур позволил мне оставить, – леди Элспет легонько дунула на запylённое стекло. – Спасибо и на этом.

Взгляд Оливии лениво путешествовал по противоположной стене, на которой без всякого порядка висели портреты – надменная дама преклонных лет в пышной бонетке, удерживающая на коленях пучеглазого мопса, костлявый старик в костюме для верховой езды, юная леди в сапфирово-синем платье и в шляпе с пером, – все картины, несомненно, были написаны модными в своё время художниками. Самыми любопытными Оливии показались два полотна, расположенные в центре: одно изображало лорда Артура Понглтона, высокого жёлчного мужчину с волнистыми волосами и жёсткими складками у рта, а второе являлось групповым портретом его сыновей. Оба они были выполнены в барочном духе, и от обилия пышных драпировок, ребристых колонн, поджарых гончих с вытянутыми мордами и роскошных тёмно-рубиновых одежд с золотым шитьём рябило в глазах. Пухлощёкому Джорджу, державшему в руках книгу, художник придал мечтательный вид, Монтгомери был изображён с луком и стрелами, а в лице Седрика угадывались те черты, что отличали его сейчас – неприкаянность и брюзгливость.

– Когда-то давно, сразу после замужества, я не любила сюда приходить, – призналась леди Элспет негромко, встав у Оливии за

спиной. – В этой комнате я никогда не ощущала себя одной. Мне казалось, что все Понглтоны селятся сойти со своих холстов и указать мне на то, что Мэдлингтон не место для таких, как я.

– А теперь? – Оливия не поворачивалась, так и стояла к леди Элспет спиной, и та тоже оставалась неподвижной.

– А теперь я – хранительница Комнаты Памяти. И они, я вижу, смирились с этим, как смирились, что Мэдли теперь принадлежит мне. Им придётся смириться ещё и с тем, что когда-то владельцами поместья станут сыновья французской модистки. Джордж и Виктория не могут иметь детей, знаете ли.

– А как же Седрик и Присцилла?

– Седрик – наш приёмный сын. Отец Седрика, который приходился Артуру кузеном, вместе с женой отправился в плавание из Саутгемптона в апреле 1912 года, но до Нью-Йорка, как вы понимаете, они не добрались. Седрик идёт в списке наследников вторым, сразу после Джорджа, но его дети, если они появятся, не смогут претендовать на поместье. Так что когда-то владельцами земель Понглтонов станут потомки французской швеи.

Леди Элспет глухо рассмеялась, и в недобром этом смехе звучало ликующее злорадство. Оливия обернулась – движение вышло резким, неуклюжим.

Пожилая дама с вызовом смотрела на неё, хотя Оливия не произнесла ни слова. Добродушие и чувство юмора, свойственные ей обычно, сменились насторожённостью, горечь воспоминаний исказила мягкие черты её лица.

– Вы, мисс Адамсон, наверное, осуждаете меня.

– О нет! Жизнь не так уж проста, чтобы кого-то осуждать.

– Да, мисс Адамсон, жизнь не так уж проста, – вздохнула леди Элспет, – моя так уж точно, даже если окружающим кажется иначе. – Отступив на шаг, она заговорила сбивчиво, сопровождая свою речь бурной жестикуляцией: – Признаться, мисс Адамсон, я так завидую вам! Завидую вашей молодости, тому, что всё у вас впереди.

Поверьте, я бы душу дьяволу продала, чтобы снова стать молодой и бедной! Тогда бы я прожила свою жизнь совсем, совсем по-другому!

– И что бы вы изменили в своей жизни?

– Я бы не вышла замуж за Артура, – ответила леди Элспет. – Пошла бы на что угодно, даже сбежала бы из дома, уехала бы так далеко, что он бы не смог меня отыскать. Я никогда не была с ним счастлива, да и ни одна женщина не сумела бы стать с ним счастливой. Он... Он был дурным человеком, мисс Адамсон. Ещё до того, как жениться на мне, он очень жестоко обошёлся с одной девушкой. У неё не было родных, кроме старой матери, и защитить её было некому. Со мной вышло по-другому – на мою защиту встали отец и братья. Тогда, много лет назад, я была молоденькой смазливой дурочкой и не понимала, в какую западню угодила. Артур получил меня как трофей, как если бы долго преследовал и подстрелил одного из оленей в своих охотничьих угодьях. Он не любил меня – о нет, это чувство ему было незнакомо! Он умел лишь испытывать жажду обладания. Он брал то, что ему было нужно, и становился полноправным владельцем, а чувства всегда считал уделом слабаков. Когда у Седрика появились затруднения, он без колебаний выставил его из Мэдлингтона. Одному богу известно, чего тот натерпелся, пока не встретил Присциллу. Она спасла его, мисс Адамсон, буквально спасла! Бедный мальчик погибал, и я ничего не могла для него сделать.

– С Монтгомери вышло так же?

Леди Элспет прикрыла глаза и кивнула. Щёки её окрасил румянец, и она нехотя призналась:

– Монти был сущим наказанием, что правда, то правда. Но мы и помыслить не могли, что он... Я, конечно, слышала о таком... Порой юноши не могут разобраться в себе и допускают некоторые вольности. Но для Артура, конечно, он просто перестал существовать.

Оливия не слишком стремилась знать все тайны семьи Понглтон, но и прервать леди Элспет она сейчас не смела. Пожилая дама так

разволновалась, что её пришлось усадить в кресло, стоявшее возле стола с фотографиями, и распахнуть высокое окно. Ветер тут же ворвался в Комнату Памяти, заиграл кистями портьер. Стали слышны звуки, доносившиеся с лужайки – стук молотков и голоса рабочих. Ветер откуда-то принёс обрывки песни, но у Оливии всё равно было такое чувство, будто они с леди Элспет находятся наверху самой высокой башни, и всё, происходящее там, внизу, не имеет к ним сейчас никакого отношения.

– Артур раскаялся только после несчастного случая, когда жить ему оставалось считанные часы, – продолжила леди Элспет бесстрастно. – К тому времени миновал уже год, как бедный Монти, высланный с родины без права возвращения, лишённый всякой связи с домом, упокоился с миром. Из-за падения с лошади на Артура было страшно смотреть – я до сих пор без содрогания не могу вспоминать всё случившееся! У него мутилось сознание, и он всё хрипел одно и то же – что видит тех, кого уже нет в живых, что знает, на этот раз пришли за ним. Умирал тяжело, не дай бог никому так мучиться. Хватал меня за руки, сжимал их и заставлял себя слушать. Не отпускал ни на миг, точно хотел забрать с собой в могилу. Мне пришлось ещё несколько недель после похорон носить перчатки, так ужасно выглядели мои руки – распухшие, в синих пятнах.

Леди Элспет расцепила руки – всё время, что она исповедовалась, крепко сжатые в замок, – и приподняла их, и Оливия, повинувшись порыву, приняла её ладони в свои и поразилась их ледяной неподвижности.

– Вы такая славная, мисс Адамсон, – пожилая дама, вроде бы успокоившись, благодарно ей улыбнулась. – Мне стыдно, что я так расчувствовалась перед вами. В этой комнате на меня всегда находит страшная тоска, поэтому я здесь почти не бываю. Вот, выболтала вам все грязные семейные тайны, хотя вы ничем не заслужили такого наказания.

– Вы можете называть меня Оливией, леди Элспет. И не стоит так переживать. За годы скитаний по дешёвым пансионам чего только не узнаешь о людях, – Оливия не хотела продолжать, но собеседница так пылливо на неё смотрела, что ей пришлось: – Двери чуть толще картона, стены – кажется, ткни пальцем, и появится дырка. Все людские слабости видны как на ладони. Да и от детей никто не скрывается. Их мало замечают. Порой я чувствовала себя невидимкой. Достаточно было сидеть тихо и не вмешиваться в разговоры взрослых, и тогда они начинали болтать о том, что их на самом деле волновало. Некоторые пансионы походили на вокзальный перрон – совершенно разные люди оказывались в одном месте и были вынуждены беседовать друг с другом. Однако всех жильцов объединяло что-то общее – какое-то сиротское бесприютное чувство, заставляющее их каждые несколько дней снова собирать чемоданы и спешить в следующий городок, где будет в точности такой же пансион с отсыревшими обоями над кроватью и плоскими подушками в засаленных наволочках. И мы с братом вслед за матерью непрестанно собирали и разбирали чемоданы, даже не пытаюсь запомнить, как зовут наших соседей или хозяйку пансиона. В своих странствиях мы встречали и дурных, и хороших людей – подчас их было не отличить друг от друга, в таком отчаянии они находились. Кто-то из них ещё пытался сохранить достоинство и надежду на лучшую участь, но были и те, кто хорошо понимал, что утратил возможность вернуться в прежнее общество. Нам с братом принадлежали роли наблюдателей, и нельзя сказать, чтобы мы этим пренебрегали. Подобная жизнь рано раскрывает глаза на неприглядные стороны человеческой природы, леди Элспет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ШАРЛОТТА БРАНДИШ

ЛЕДИ ИЗ
ФРОИНГЕМА

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

16+

Примечания

1

Ритуальные танцы в горах под предводительством верховной жрицы Диониса.

[Вернуться](#)

2

Имеется в виду ракушечник оолит, состоящий из сферических зёрен. Чаще всего материал этот светло-жёлтого цвета, но может быть и голубоватым (примесь меди), и розовым (примесь железа). Название произошло от древнегреческого слова *ᾠόν*, означающего «яйцо».

[Вернуться](#)

3

Двенадцатый игрок в крикете – запасной, так как в игре участвуют 11 игроков. Крикет – чрезвычайно популярная игра в Англии и британских колониях.

[Вернуться](#)

4

Супруга вождя иценов (бриттское племя), мятежница и бесстрашная воительница, восставшая против римлян. Восстание было сурово подавлено, и Боудикка, как утверждает Тацит, римский историк, приняла яд чёрного болиголова.

[Вернуться](#)

5

Сельский праздник (фр.).

[Вернуться](#)

6

«Старший брат человека – его исконный враг». Так считает один из персонажей романа англичанина Уильяма Теккерея «Виргинцы».

[Вернуться](#)